

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ПЫЛАЮЩИЙ ЛЕД

ВИКТОР ТОЧИНОВ

Анклавы

Виктор Точинов

Пылающий лед

«Точинов Виктор»

«Панов Вадим»

2012

Точинов В. П.

Пылающий лед / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», «Панов Вадим», 2012 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-54561-2

Им не суждено было встретиться. По крайней мере – по эту сторону жизни. Их судьбы раз и навсегда разделило Копье – импульс высокой энергии, пронзивший Землю насквозь и спровоцировавший глобальную Катастрофу. Альмеут Талькуэ различал десятки состояний льда, находил скопления нефти, которая вытекала из разрушенных морских скважин и трубопроводов, и мог говорить с духами. Альберт Нарута, или просто Алька, служил в десанте, умел драться с оружием и без и мечтал отомстить «барону» Гильмановскому за невесту. Но судьбы этих парней, так не похожих друг на друга, определила загадочная находка, сделанная в Арктике. За редкий шанс стать обладателем уникального генетического материала ухватились все: от российских военных до всемогущей Службы Безопасности Анклавов. И много ли значат две отдельные жизни, когда на кону стоит судьба человечества?

ISBN 978-5-699-54561-2

© Точинов В. П., 2012

© Точинов Виктор, 2012

© Панов Вадим, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
1. Кто ищет, тот всегда находит	9
2. Облагораживающий труд на свежем воздухе	12
3. Атака по всем правилам	15
4. Мирные люди с пулеметом	19
5. «Иstanbul», история вопроса	22
6. Учет и контроль как основа феодальной экономики	25
7. Конкурентная борьба с применением артиллерии	28
8. Развилка жизненного пути	31
9. Мир без названия	35
10. Пираты Северного моря	37
11. Высшие сферы	39
12. Мир без названия – 2	42
13. Пираты Северного моря – 2	43
14. Добро пожаловать в реальный мир	45
15. Крестовый поход Робинзона	48
16. Последний кладоискатель	50
Часть вторая	51
1. Кто ходит в гости по утрам...	51
2. Белый лед, синее небо, красная кровь	54
3. Сметая крепости, с огнем в очах...	58
4. Дети льда и дети асфальта	63
5. Панихида с танцами	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Виктор Точинов

Пылающий лед

Пролог

Талькуэ-иа-сейглу, Умеющий-ходить-по-Льдам, разведчик и охотник народа альмеутов, вышел из ледяного храма. Сегодня шаманы не особо усердствовали, и молебен закончился раньше обычного.

До Дня Всплытия оставался еще почти месяц, а Хранилище заполнено уже более чем наполовину. Когда явятся сборщики «чернухи», они останутся довольны. И селение получит новые дотации... Слово «дотация» Талькуэ не знал, он подумал проще: у них появятся патроны, новые рыболовные сети взамен изодранных, спирт... А все остальное настоящий альмеут всегда добудет сам.

Осторожно ступая по снегу, Талькуэ подошел к краю высокого, в два человеческих роста, тороса и застыл, глядя на бескрайние белые просторы. Потом осторожно провел рукой по ледяному сколу и тяжело вздохнул. Лды... Всюду Лды. Ничего больше не осталось в мире...

В языке альмеутов не было слова в единственном числе, обозначающего лед. Льдов много, и все они разные, очень разные. Разве можно, например, назвать одним словом только что народившийся тонкий осенний лед, носящийся по воде, – и громадную льдину, оторвавшуюся от ледника и начавшую свой путь по океану? Нельзя... Талькуэ-иа-сейглу, Умеющий-ходить-по-Льдам, знал это как никто другой и легко дал бы фору профессорам или академикам, много лет изучавшим особенности разных агрегатных состояний воды. Они, профессора с академиками, знали неизмеримо больше умных слов, чем Талькуэ, и, непринужденно вплетая в речь научные термины, легко бы объяснили неграмотному альмеуту различия в химическом составе и физических свойствах льда древнего, пакового, год за годом, десятилетие за десятилетием кристаллизующегося из выпадающего над Арктикой снега, – и льда молодого, припайного, образованного недавно замерзшей морской водой.

И «мертвый лед», на который старался не выходить Талькуэ, не поставил бы в тупик корифеев льдоведческих наук: обильно загрязнен, дескать, радионуклидами, печальное наследство канувшей ядерной энергетики, десятков взорвавшихся в проклятом августе реакторов и сотен поврежденных, давших течь.

Происхождение вожеленного «черного льда», служившего целью одиноких многодневных походов Талькуэ, корифеи растолковали бы легко и просто: выбросы нефти из поврежденных катаклизмом арктических скважин и проложенных по дну трубопроводов скапливаются в определенных местах, определяемых океанскими течениями, – скапливаются у нижней поверхности льда и изолируют его от морской воды, не позволяют льду утолщаться, намерзать снизу, а по сторонам от «нефтяного кармана» процесс замерзания продолжается, и со временем в нижней плоскости ледяного поля получается обширная выемка, нечто вроде громадного перевернутого блюда, заполненного нефтью...

Ученые мужи могли объяснить все. Но в настоящих Льдах они были бы беспомощнее новорожденного тюлененка – тот без всяких приборов чувствует, с какой стороны находится полынья...

Талькуэ не доводилось жить в городах и водить знакомство с деятелями науки. Родившийся в крохотном поселке на берегу студеного океана, он побывал в настоящем городе один-единственный раз, не так давно.

Если двигаться на закат много дней, не жалея ни себя, ни собак, можно дойти до развалин Проклятого города. Талькуэ доходил и видел мертвый город, почти погребенный Льдами,

наползающим с гор ледником. Наверное, в уцелевших домах можно было найти много интересных и полезных вещей, но Талькуэ не стал искать. Ни к чему повторять ошибки братьев, уступивших искушениям Демона.

Когда-то, до возвращения Древних богов, такие города были повсюду, и хойто жили в них. Все они были на одно лицо, жили одинаково – одинаково уныло, и не знали ничего, кроме служения Стальному Демону, пожиравшему умы своих слуг. Даже их название было безликим – оно означало просто «не-животные». Демон дарил многие соблазны и – что уж скрывать – соблазнил многих альмеутов, переставших быть людьми и ставших «не-животными».

Не так давно все изменилось. Мир Демона рухнул. Вернулись Древние боги – Отец-Морж и Мать-Рыба, и альмеуты познали прикосновение истины. Истина проста и в то же время всеобъемлюща, у нее сто обличий и одно имя: Лды.

Лды... Лды – это вечное. Лды – это навсегда. Люди рождаются и умирают, города строятся и превращаются в прах, даже земля, кажущаяся незыблемой, уходит порой под воду, в чем пришлось убедиться совсем недавно...

А Лды были, Лды есть и Лды всегда будут.

– Капитан Дашкевич Руслан Викторович! – объявил генерал-лейтенант Тимманен.

Я поднялся по невысокой, на пять ступенек, лесенке, прошагал по сцене строевым шагом. Момент исторический, жаль, что операторы не запечатлеют его для хроники. Что я буду показывать внукам (если у меня когда-нибудь будут внуки), иллюстрируя свою старческую болтовню о давних героических делах? Любительскую запись из чьей-то «балалайки»?

Вообще-то правительственные награды вручают в другой, более торжественной обстановке. И событие фиксируется, как положено: для истории, для внуков и для выпусков стереоновостей. У каждого награжденного есть возможность поручаться с главой государства и услышать от него несколько теплых слов, заранее сочиненных спичрайтерами.

Но сегодняшнее награждение – особое. О некоторых подвигах бойцов спецподразделений ОКР вещать в широком эфире не рекомендуется, и даже их лица демонстрировать потенциальным врагам ни к чему. Как бы, например, я ручкался с Президентом, натянув наномаску или глухой капюшон с прорезями?

Вот и приходится раздавать награды в узком кругу... Междусобойчик для головорезов.

Как бы то ни было, небольшая медаль перекечевала из красной сафьяновой коробочки в руки Тимманена, а оттуда – на мою грудь. Со сцены я спустился под аплодисменты.

– Мангуст, а ведь ты теперь дважды Герой, – негромко сказал Сулейман, когда я вернулся на свое место в зале. – Вроде бы бронзовый бюст полагается...

Его грудь тоже украсила сегодня медаль Героя России, но выглядевшая несколько иначе: ленточка та же, но под ней вместо креста, напоминавшего Георгиевский, – композиция из искривленного меча и полумесяца. Герои, исповедующие иудаизм, соответственно получали наградной знак со звездой Давида. А буддисты... героических буддистов мне встречать не доводилось, ни единого.

– Бюст – штука полезная, – согласился я так же негромко. – Поставлю в прихожей, чтоб все сразу видели, к кому в гости явились.

– Так он же посмертно полагается, над могилкой... – огорчил Сулейман.

– Не дождетесь!

Зал взорвался очередными аплодисментами, прервав нашу дискуссию. Захлопали и мы с Сулейманом.

Он умирал и хорошо знал, что умирает. Даже примерно представлял отпущенный срок... Надежды на излечение не было, и все рекомендации электронного диагноста Отто Вирхов про-

пускал мимо ушей. Кибердоктор не лгал – ОЛБ-3, острую лучевую болезнь третьей степени, лечат... Даже когда она протекает в костномозговой и кишечной форме одновременно.

Лечат, но не вылечивают...

Болезненные (и весьма дорогостоящие) процедуры могли помочь выиграть дополнительные недели, может быть, месяцы, – но спасти не могли. Отто прекрасно понимал это – и не обращал внимания на все, что предлагал виртуальный эскулап, скрытый в компьютере медицинского отсека. Нет, он бы согласился и на резекцию желудка, и на пересадку костного мозга... И за все бы исправно заплатил, благо денег осталось с большим избытком. Несколько лишних месяцев жизни никому не помешают... Но что толку мечтать о несбыточном. Функционирующих госпиталей в ближайших окрестностях не осталось, и не осталось людей, которые могли бы доставить туда умирающего... Сигнал на единой аварийной частоте звучал голосом вопиющего в пустыне. Эфир сейчас ломился от таких сигналов... И ни один из них не получал ответа.

Оставалось одно – использовать с максимальной пользой то, что медики называют «периодом мнимого благополучия». Никакого благополучия, конечно же, нет и в помине – но разрушительные изменения в организме несколько дней происходят почти без внешних симптомов... Он нуждался в этих днях. Он хотел закончить начатое.

Отто Вирхов всегда жил надеждами, жил будущим... Когда долгие годы работал на военных, когда ушел от них и занялся бизнесом... Всегда считал: самое главное – впереди. В последние годы прекрасное будущее приблизилось на расстояние вытянутой руки... И оказалось миражом. А миражи, когда к ним приближаешься, исчезают.

Он почти двадцать лет вкалывал на людей в погонах, и работодателям казалось – Вирхов типичный «яйцеголовый», хорошо разбирающийся в сложных теориях и беспомощный в реальной жизни. Но так лишь казалось... Все годы, проведенные в лабораториях военного ведомства, Отто занимался весьма заманчивой для господ генералов темой – виртуальными психосуггестивными атаками. Идея красивая: не уничтожать врага, а подчинять, зомбировать, используя его собственную «балалайку». И результаты были достигнуты достаточно интересные... Но, увы, – лишь у ничтожной доли испытуемых. Один человек из десятков тысяч – такая поражающая способность нового оружия генералов никак не устраивала. Вероятность, что удастся зацепить, к примеру, офицера вражеского генштаба – практически нулевая. А тратить столько сил и средств для подчинения рядового или капрала – бессмысленная растрата ресурсов.

Кончилось тем, что тему признали бесперспективной и закрыли. Отто Вирхову вручили двухмесячный оклад и указали на дверь – ничего другого он толком не знал и не умел...

Он уходил с печальным видом и с ликованием в душе. Оторванный от жизни и ее реалий «яйцеголовый» оказался не так уж прост. Один побочный результат исследований, в боевых условиях никак не применимый, Вирхов на стол начальству не выкладывал... И нигде не публиковал, когда с материалов сняли гриф секретности. Он сразу понял: то, что не пригодилось военным, можно использовать в бизнесе. Главное – не продешевить, не отдать идею за бесценок в чужие руки...

Первые же испытания в новых условиях принесли блестящие результаты. И деньги – огромные по меркам ведомственного ученого, но достаточно скромные в сравнении с тем, что можно было заработать...

...Всего лишь год назад казалось, что великая цель близка и достижима. Денег уже хватало, он заканчивал подготовку к главному проекту своей жизни на собственной яхте, служившей домом и лабораторией одновременно. Работал вдали от семьи, родные предпочитали сушу. Семидесятиметровое судно океанского класса, почти полностью автоматизированное – экипаж всего три человека, – позволяло держаться поодаль от берегов, от суетной земли... Но в тот злосчастный день береговые скалы оказались слишком близко. Тридцатиметровая волна

(кто и как мог предугадать появление в океане эдакого монстра?), разбитый корпус, погибший экипаж... Апартаменты Вирхова и его лаборатория находились на корме, и он уцелел. Ненадолго – поврежденный реактор и лучевка третьей степени обеспечили смерть в рассрочку...

Не стало дома, не стало семьи – как и всего Анклава Сингапур, как и всей планеты, на которой привык жить Отто Вирхов. И не стало никакого будущего.

Остались деньги – ими не придется воспользоваться и некому их завещать. Остались считанные недели жизни, если это можно назвать жизнью... Осталась почти завершенная работа... А еще – дикая ненависть ко всем, разрушившим привычный мир. И заодно уж – ко всем, кто останется жить и продолжит дело разрушения.

Он продолжил работу на полуразрушенной яхте, лишь сменил вектор поисков на более глобальный. Теперь он лихорадочно трудился не для себя. Для всей планеты, как патетично это ни звучит... Для планеты, почти погубленной двуногими обитателями, неизвестно за какие заслуги именуемыми себя разумными...

Он успел. Закончил, когда уже начались боли и приходилось глушить их ударными дозами анестетиков. Когда аварийные аккумуляторы находились при последнем издыхании... Закончил – и столкнулся с новой проблемой. С отсутствием выхода в Сеть. Строго говоря, единой Сети уже не существовало – остатки, обломки, не связанные между собой сегменты. Но и этих осколков хватило бы для задуманного... Но – ни одного уцелевшего ретранслятора в зоне досягаемости. Ни одного спутника, отвечающего на сигналы...

Все напрасно. Можно было сразу пустить себе пулю в лоб, не дожидаясь мучительных болей... Можно застрелиться сейчас.

Он не застрелился. Он ждал чуда – превозмогая чудовищную боль, отключив все потребляющие энергию приборы, кроме аппаратуры, повторяющей безнадежные попытки зацепить какой-нибудь спутник...

И чудо произошло. Спутник появился. Значит, он все сделал правильно. Значит, его прощальный дар планете принят. Просто так чудеса не случаются.

...Подмигивание светодиодов на панели прекратилось. Пакет информации ушел в Сеть. Банковская система устояла, несмотря на все потери и банкротства отдельных финансовых монстров – и с финансированием проекта проблемы не возникнут даже после смерти его инициатора.

Таймер настойчиво пищал, сигнализируя о необходимости очередной инъекции. Отто Вирхов не обращал на писк внимания... Дело сделано, можно умирать.

Часть первая

Робинзоны и кладоискатели

1. Кто ищет, тот всегда находит

– Беспилотник сбили отсюда, – уверенно заявил Геллуэй, указывая на лежавшее на боку рыболовное судно. – Больше неоткуда.

Олаф Абдельфарида на миг оторвался от бинокля, в который созерцал непонятный предмет, едва торчащий из ила, молча кивнул и вернулся к прерванному занятию. Он не любил зря тратить слова, тем более для подтверждения очевидных фактов.

Рыболовное судно, вопреки названию, рыбной ловлей никогда не занималось – на правой его скуле виднелся здоровенный раструб водозаборника. Охота за поредевшими рыбьими косяками задолго до Катаклизма стала в Северном море делом нерентабельным, и ютландские рыбаки давно перешли на ловлю планктона, криля и прочей едва различимой невооруженным взглядом добычи. Однако упорно именовали себя рыбаками...

Такой же водозаборник наверняка украшал и левую скулу – сейчас не украшает, смятый, раздавленный многотонным корпусом судна. Еще на рыболове имелась автоматизированная производственная линия, превращавшая насыщенную микрофлорой и микрофауной морскую воду в замороженные брикеты из пресловутой флоры-фауны. И много чего еще имелось, что надлежит иметь судну, дабы успешно плавать по морям-океанам. Но системы ПВО среди штатного оборудования не числились...

Однако, как подозревал Геллуэй, не так давно кто-то исправил упущение: вырезал изрядную часть борта и установил внутри зенитно-ракетный комплекс. Название ЗРК Геллуэй не знал, да и какая разница – летать они здесь не собирались, а сбитый беспилотник был у них первым и единственным: маленький, около метра длиной, с небольшим радиусом полета и простенький – видеокамера да металлодетектор.

Разыскивать обломки самолета Геллуэй не видел смысла, гораздо интереснее другое: запуск ракеты произошел в автоматическом режиме или внутри рыболовного судна засели люди, резко отрицательно относящиеся к авиатехнике, пролетающей над их головами? Если справедлив второй вариант, то, скорее всего, и прибывших посуху гостей здесь встретят крайне неласково.

Геллуэй повернулся к Абдельфариду:

– Ну что?

Двухметровый швед вновь опустил бинокль, помолчал, словно размышляя над увиденным. И выдал авторитетное заключение:

– Пороховой ускоритель, выгоревший. От «Кадета» или «Альджазии». Или от «Кобры-217», модернизированной под новые ракеты. Если вытащим из ила – скажу точно.

Слова Олафа прикончили последнюю крохотную надежду на совпадение, на то, что кому-то вдруг что-то срочно понадобилось с погибшего сейнера – силовая установка, например, или давно протухшие брикеты криля...

Надо было принимать решение, не торчать же вечность здесь, на вершине холма, более-менее сухого и свободного от ила, поджидая, когда засевшие в рыболовном судне люди высунутся наружу. Если их мало, могут и не высунуться. Запросят помощь, и та не задержится, ясно ведь, что никто не станет оборудовать позицию ПВО просто так, лишь ради удовольствия сбить самолет или вертолет, залетевший в эти гиблые места. Должен быть объект защиты...

И объект очень ценный – на этом участке дна Северного моря, неожиданно ставшем сушей с треть Исландии размером, очень много погибших кораблей. Здесь всегда было оживленное судоходство – под слоями ила на бывшем дне ржавеют корпуса древних судов, затонувших давным-давно, и относительно новых, ставших жертвой громадного цунами, устремившегося из Атлантики к европейским берегам. Есть чем поживиться. И любителей поживы хватает – но так далеко в илистые болота они не забираются, незачем, у бывших берегов добычи не меньше... Дальняя экспедиция требует немаленьких вложений, Геллуэй знал об этом не понаслышке. Да и ЗРК – пусть даже устаревший и списанный – тоже не пять юаней стоит. Главный приз должен с лихвой окупить все затраты...

У Геллуэя крепко подозрение: цель их похода – тот же самый приз, за которым охотятся установившие ЗРК люди. Поганный вариант, ой какой поганный... Все расчеты на спокойную и неторопливую работу рушатся. Лишь одно обнадеживает: по всему судя, иметь дело с государством или Анклавом не придется. Конкуренты такие же вольные стрелки, как и команда Геллуэя, иначе не стали бы прилагать столько сил, чтобы остаться необнаруженными.

– Что в эфире? – спросил он у Апача.

«Балалайка» перевела ответ ломщика с крохотным запозданием, словно в плохо дублированном стерео, – губы Апача уже закончили шевелиться, а голос продолжал звучать в голове Геллуэя:

– Ничего подозрительного... Вот тот «шарик» работает, как и ожидалось. Прощупывает небо, но тихо, аккуратно, уже с полусотни километров его не засечь.

Сама по себе тишина в эфире ничего не означала. Группа Геллуэя тоже шла по маршруту в режиме полного радиомолчания. А насчет «шарика» все понятно: шаровидная антенна локатора, новенькая, появившаяся среди тронутых ржавчиной надстроек сейнера явно в то же самое время, что и дыра в борту. Следит, не появится ли в небе железная пташка, по которой можно вмазать ракетой.

Ломщик произнес что-то еще, и после паузы прозвучал перевод:

– И еще SOS какой-то непонятный, чуть в стороне, километрах в трех...

– Что за SOS?! – неприятно удивился Геллуэй.

Ответа тритона в очередной раз пришлось дожидаться секунду-другую. Эти паузы, особенно при быстрых обменах репликами, неслучайно раздражали Геллуэя. Вообще-то программа-переводчик стояла у него хорошая, дорогая: тщательно подбирала синонимы, соотносясь с контекстом, знала множество жаргонизмов и даже, синтезируя речь, старалась воспроизвести интонацию оригинала. Но притормаживала...

– Стандартный автоматический SOS. Каждые пять минут одно и то же сообщение: прошу помощи и координаты.

– Их кто-нибудь слышит?

– Едва ли. Их даже я едва слышу. Сейчас попробую идентифицировать индивидуальный код сигнала.

– Не надо. Какой-нибудь радиобуй с ядерной батареей. Некого там спасать уже. Пошли к «Гепардам».

А воображение отчего-то нарисовало странную картину: люди, изможденные, бледные, несколько лет запертые в железной тюрьме, в наглухо задраенном отсеке, доевшие все запасы, – и последняя их надежда, радиобуй, посылающий сигнал все слабее, слабее, слабее... Ерунда полная, но картинка упорно стояла перед мысленным взором: исхудавшие лица с огромными глазами, устремленными на попискивающий прибор.

Геллуэй выругался и зашагал вниз по склону холма, стараясь думать о приятном. О том, как он поступит с ломщиком, когда все закончится и придет время отправляться в обратный путь. Тритонов он ненавидел давно и люто, всех до единого. Пятнадцать лет неустанных трудов, пятнадцать лет откладывания динара к динару, – все рухнуло в одночасье из-за какого-

то уroda вроде Апача. А может, и из-за него самого, всякие случаются совпадения. Жуткое было время: деньги исчезали со взломанных банковских счетов, банки лопались как мыльные пузыри, мировая финансовая система билась в конвульсиях...

Гибель других банков Геллуэй как-нибудь бы пережил, а на мировую экономику ему и вовсе было наплевать, но случилось страшное – рухнул банк «Эль-Арабия», монстр, казавшийся несокрушимым. Рухнул, конечно же, вместе со своим маленьким филиалом в Одессе, где хранились все сбережения Геллуэя. Его счет никто не взламывал, не стоила, наверное, потенциальная добыча тритоньих трудов... Просто у банка вдруг не стало денег, и многотысячные толпы вкладчиков впустую пикетировали филиалы, а затем жгли и громили их, – тоже впустую.

Минувшие с той поры годы не умерили ненависть Геллуэя. Трех ломщиков он уже отправил в огненную бездну Джаханнама, Апач станет четвертым. Но именно он поможет вернуть то, что Геллуэй потерял по вине поганого тритоньего племени, вернуть с избытком.

А сейчас Геллуэю пришла в голову неплохая идея: если ломщик не подведет, если умело выполнит свою часть работы, – может быть, получит шанс... Крохотный, но получит. Геллуэй запрет его в отсеке какого-нибудь из многочисленных кораблей, валяющихся здесь. Наглухо запрет, заварит все двери, люки и иллюминаторы. Воды и пищи он оставит тритону вдосталь и прорежет достаточное количество небольших вентиляционных отверстий... Но ни радиобуя, ни даже «балалайки» у тритона не будет. Ни к чему.

Представляя бледного, изможденного Апача, заживо гниющего в просторном железном гробу, Геллуэй мечтательно улыбался.

Шагавший рядом Олаф Абдельфарид косился неодобрительно. По разумению шведа, поводов для улыбок не было.

2. Облагораживающий труд на свежем воздухе

– ...доходы колхозников от общественного хозяйства намечается увеличить за пять лет на двадцать четыре тире двадцать семь процентов. О как! В точку! У нас тут, сталбыть, колхоз? Хозяйство общественное, так? Значит, вырастут доходы, верно говорю!

Дед Матвей поднял палец к небесам, словно призывал в свидетели не то ангелов небесных, не то верхолазов, переживающих лихие времена в каком-нибудь спейс-отеле. Затем продолжил чтение:

– На развитие легкой и пищевой промышленности, а также сферы бытового обслуживания в десятой пятилетке направляется свыше тридцати миллиардов рублей, на шесть миллиардов больше, чем в предыдущей!

Он дочитал до конца страницы (вернее, до конца половинки страницы), оторвал ее от книги, давненько лишившейся обложки, стал ладить самокрутку. Бумага была древняя, желтая и ломкая, крошилась при неосторожном обращении, но дед привык и справлялся ловко. Закурил и продолжил тему:

– А у нас тут, сталбыть, что? Легкая и пищевая промышленность, точно. Вот нам миленчик с тех миллиардов и пришлите, в хозяйстве сгодится!

Пищевая-то она, конечно, пищевая, да не такая уж легкая... Есть ли занятие более мерзкое, чем вручную, словно в каменном веке, вскапывать тяжелую глинистую землю? Вскapyвать, чтобы зарыть в нее картошку, а осенью, под проливным дождиком, корячиться, выкапывая клубни обратно?

Несколько лет назад Алька, городской мальчик, выросший среди асфальта, бетона и пластиковых газонов, наверняка ответил бы отрицательно на сей риторический вопрос.

Полный бред, сказал бы тогдашний Алька, пытаться что-то вырастить на истощенной почве, из которой люди за века и тысячелетия вытянули все, что смогли. Фабрики искусственной еды работают бесперебойно, и что за беда, если якобы картофельные чипсы делают из не пойми какой водоросли, коли на вкус они такие же, как баснословно дорогие натуральные? Ну ладно, почти такие же...

Но за прошедшие годы городской мальчик превратился в сельского юношу (в юношу – по законам природы, а в сельского отнюдь не своей волей), и теперь у него имелся совсем иной ответ на тот же вопрос: да, бывает кое-что и похуже, чем тяжкий труд с опостылевшей лопатой. Например, обед на исходе зимы – три те самые картофелины, разделенные на четверых едоков. Сваренные в мундире и в мундире же съеденные, чтобы ни крошечки продукта не пропало... Мышцы, конечно, после дня копания-сажания болят о-го-го как, но это все же лучше, чем постоянная голодная резь в желудке.

Примерно так думал Алька, оторвавшись на короткий передых от монотонной работы: воткнуть в землю штык лопаты, перевернуть пласт земли, разбить его несколькими ударами на комки, отбросить в сторону корешки полыни, одуванчиков и прочих сорняков, снова воткнуть, снова перевернуть... Лучше так, чем подыхать от голода, спора нет. Но лишь чуть-чуть лучше.

Дед Матвей, наоборот, работал в охотку. В феврале совсем уж помирать собрался старый, не вставал почти с лежанки, а пригрело солнышко – ожил, снова на ногах, сыпет шутками-прибаутками, строит великие планы: вот уродится картошь, да подрастет коза Машка, да случат её, сталбыть, по осени с козлом, да пойдут козлятки... И заживут они как люди, а не как псы, по свалкам промышляющие.

Алька вздыхал. Псы по пригородным свалкам теперь не промышляли. Их уже самих того... промыслили... Уцелели только те, что подались в леса, подальше от городов, и ведут натуральную волчью жизнь. Зимой слышали вой – вдали, за Плюссой, а собаки там были или

волки, не понять. Да и нет, наверное, никакой разницы для того, кто повстречается в недобрый час с оголодавшей стаей.

Дед не унимался:

– А картошь уродится, сталбыть, лишку на брагу поставим да на сало сменяем. А бражка, сталбыть, доспеет – тут и свадебку можно справить, а, Настена? В город за женихом ехать будешь или тут приглядишь?

Он улыбался во все свои шесть уцелевших зубов, переводя взгляд с Настены на Альку. Последнее время брачная тема весьма занимала деда Матвея. Он даже сам пытался подбивать клинья к немой Анжеле, вроде бы как в шутку, но вроде как и нет. Весна, гормоны торжествуют. Вроде бы какие уж там гормоны у старого, а вот поди ж ты...

Настена молчала, аккуратно резала семенную картошку, отделяя полукругом верхнюю меньшую часть с глазками – ее и сажали, остальное шло на еду, к весне запасы совсем истощились. Работа тонкая, отхватишь лишнего – и не прорастет кормилица, все труды понапрасну.

– Или вот Ибрагиша, чем не жених? – не унимался дед. – Все же наш, русский, хоть и омусульманенный. Считай, холостует мужик, всего две жены, а ему по Корану аж четыре полагаются! Будешь третьей, а четвертой Анжелку засватаю, калыму наберу, заживу, как верхолаз на острове!

Алька искоса наблюдал за девушкой, за ее реакцией на подначки старика. Ну да, ей уже девятнадцать, а ему семнадцать только летом стукнет, но... Но был у Альки план на дальнейшую жизнь, хорошо продуманный бессонными голодными ночами. И Настена занимала в этом плане очень большое место. Правда, сама она о том пока не знала. Однако чуть позже Алька наберется духу и обязательно ей все выложит...

– Ну ладно, внучата, перекурили да и за работу, – сказал Матвей, поднимаясь. – Эти две сотки до вечера, хошь не хошь, добить надо.

В двух коротких фразах дед умудрился соврать трижды. Во-первых, курил только он, зловонную до одури самокрутку, в содержимом которой табачные крошки составляли ничтожное меньшинство.

Во-вторых, внуками Настена и Алька ему не приходились, не говоря уж о немой Анжеле – полтинник на вид тетке, не меньше, хоть разум, будто у восьмилетней. Но времена такие... жизнь прибила друг к другу, живут.

А в-третьих, насчет двух соток дед явно лукавил. Никак не меньше трех с половиной было в новой делянке, которую он затеял дополнительно вскопать и засадить этой весной...

Но делать нечего, надо так надо. Алька снова взялся за свою ископаемую лопату. Ископаемую в прямом смысле слова – откопали ее здесь, расчищая фундамент одного из домов нежилой деревушки, названия которой никто из четверых не знал... Дед отскоблил от ржавчины, насадил на новую рукоять и сказал, что еще послужит, железо на инструмент раньше добротное пускали, не то что нынешние металлопластики – одна видимость, сталбыть, для настоящей работы непригодная.

Но поднапрячься и осилить к вечеру проклятую делянку не довелось. Немая замычала вдруг, заукукала громко-громко, показывая рукой вдаль и вверх.

Километрах в пяти, над вершиной нависшего над Плюссой холма, показались клубы черного дыма. День выдался ветреный, и дым стелился, прижимался к земле, но виден был хорошо: дед в свое время не пожалел трудов и свалил несколько больших деревьев, закрывавших вид на холм, – изрядно пришлось потрудиться, без пилы-то, с одним лишь небольшим плотничьим топориком...

Алька хорошо знал, что горит. Покрышки и другие куски ненужной резины, уложенные в старую железную бочку совместно с сухой растопкой. Точно такая же бочка есть и у них – но место здесь низкое, и укрыта та бочка на вершине высоченной старой сосны, а сама сосна обустроена так, что вскарабкаться на нее можно быстро и просто – где петля веревочная с

верхнего сука свешена, где зарубка на стволе, ногу поставить, или ступенечка деревянная приколочена...

А эту бочку поджег хромой Ибрагим, что жил с двумя своими женами у реки, в заброшенном, развалившемся и кое-как восстановленном домишке не то бакенщика, не то паромщика... И означал сигнал одно: тревога, чужаки! Не просто чужаки – опасные, вооруженные. Но самое главное – идущие сюда, к давно заросшей лесом деревеньке, не нанесенной на карты. Иначе Ибрагим бочку бы не запалил, просто рассказал бы потом, что шлялись, мол, чужие... К нему изредка забредали самые разные люди – рыбак, поневоле у реки сидит, издалека виден.

От них к Ибрагиму вела тропа. Или от Ибрагима к ним, с какой стороны взглянуть. Мало заметная такая тропка, специально старались не натаптывать, но встав на нее, с пути не собьешься...

Игривость и веселость мгновенно улетучились из голоса деда, когда он произнес:

– Дождались, сталбыть. Сподобились... Ну, внучата, что делать, сами знаете, не раз сговорено. Начинайте, не мешкайте.

3. Атака по всем правилам

Давно, в полузабытом детстве, мать называла его Збышек, – свое настоящее имя он не забыл, но хранилось оно в дальнем, редко посещаемом уголке памяти.

В его последней – в очередной последней – «балалайке» было прошито фальшивое имя Стефан Карски, совместно со столь же фальшивой биографией. Таких имен и биографий сменилось много, все не упомянуть, да он и не старался запоминать сброшенные личины.

Много лет его звали Апачем, и это прозвище он носил с гордостью, потратив немало трудов и времени на то, чтобы им действительно стоило гордиться...

А вот когда его называли тритоном, Апач не любил. Тритоны – воспоминания о них хранились в том же дальнем уголке памяти, где покрывалось пылью имя Збышек, – тритоны это нечто мокрое, мерзкое, земноводное, что ловят марлевым сачком в грязном болотце и помещают в стеклянную банку-тюрьму... Самое подходящее название для обитателей цифрового болота. Для земноводных, возомнивших себя богами. Но не для Апача, не для одинокого воина, идущего своим путем.

Покойный Чайка был гением, спору нет, по крайней мере написанный им в Африке р-вирус мог создать лишь гений. Но тысячи и миллионы последователей?! На них отблеск гениальности не упал...

Когда-то очень давно косматое существо, больше похожее на обезьяну, чем на человека, додумалось привязать камень к палке, и это стало гениальным прорывом. Но многочисленные последователи существа, тут же с энтузиазмом начавшие разбивать друг другу головы с помощью гениального изобретения? Они гениями не стали. Они остались обезьянами. С каменными топорами, но обезьянами.

А тритоны хуже обезьян. Значительно хуже. Отчасти похожи – обезьяны, если очутятся вдруг в вычислительном центре или вырвутся из клеток в лаборатории, тоже разгромят и изгадят всё, до чего дотянутся. Но в джунглях, в своей законной экологической нише, обезьяна сама добывает себе пищу и служит пищей кому-то другому, леопарду или питону, – короче говоря, является необходимым звеном в пищевой цепочке.

Тритоны ничего созидать и добывать неспособны, они могут лишь разрушить и украсть созданное и добытое другими. Паразитизм в чистом виде. Но есть простой биологический закон: суммарная масса паразитов не может превышать массу организма, на котором они паразитируют. Иначе погибнут все – и организм, и его паразиты... Нарушать этот закон никому не дано, даже самозванным пророкам Цифры. Сорок Два попытался нарушить, и что получилось? Где сам «пророк»? Где его клеветы? Если кто и выжил в жесточайших синдиновых ломках, сидят сейчас по укромным углам и пытаются понять: почему же все так плохо закончилось, если все так весело и хорошо начиналось? А некоторые головы не ломают – пошли в услужение к недавним злейшим врагам, танцуют перед ними на задних лапках за порцию синдина... Новое шоу в цирке уродов – дрессированные тритоны, спешите видеть!

В общем, Апач не считал себя тритоном. И р-вирусом не пользовался принципиально.

Синдин... с синдином сложнее. Без него не обойтись. На работе – не обойтись. Но становиться рабом наркотика Апач не собирался. И не стал. Никогда, ни одной дозы он не принял просто так – чтобы расслабиться, чтобы снять стресс, чтобы просто кайфануть, наконец... Возможные последствия перебоев в поставках синдина он оценил одним из первых – и немедленно вложил все свободные деньги, сделал внушительный запас. Этот запас не растрочен до сих пор, Апач не поддавался искушению продать его по пятикратной, по десятикратной, а под конец и по двадцатикратной цене.

Когда – и если – нынешняя операция успешно завершится, можно будет бесплатно раздать оставшийся синдин всем желающим. Зарабатывать на жизнь трудом ломщика больше не придется...

При мысли о своей доле в грядущем куше Апач мечтательно улыбнулся.

...Рыболовное судно они атаковали по всем правилам военной науки: артподготовка, дымовая завеса, под ее прикрытием – отвлекающий удар, затем высадка десанта.

Несколько снарядов из безоткатки, выпущенные Абдельфаридом, легли очень удачно – все судно заволочло густыми клубами дыма. Дым был не простой, густо насыщенный микроскопическими и раскаленными полиметаллическими кристалликами, – любые датчики, любые прицелы у неведомого противника должны были на время ослепнуть и оглохнуть. А у каждого, кто рискнул бы без противогаза вдохнуть задымленный воздух, немедленно приключились бы серьезные проблемы со здоровьем. Не летальные – снаряды эти разрабатывались не для военных, для полицейских операций, – но когда из глаз ручьем текут слезы, а все тело сотрясают приступы жесточайшего кашля, много не навоюешь.

Одновременно с газодымовой атакой вперед устремился один из «Гепардов» – пустой, управляемый Апачем в телеметрическом режиме. Несся он фактически по прямой линии, а второй «Гепард» – за его штурвалом сидел сам Геллуэй – приближался к сейнеру тоже на полном ходу, но скрытым зигзагом, максимально используя мертвые зоны, образованные складками местности. В отдалении, на холме, Олаф был готов отработать из безоткатки по любой обнаружившей себя огневой точке – уже боевыми снарядами, естественно.

И все оказалось напрасным.

Никто не стрелял по пустому «Гепарду». И второй тоже завершил свой путь беспрепятственно. Никто не встретил огнем четверку бойцов (два из них – в «саранче»), устремившихся в прорезанное в борту отверстие. И тройка, заходившая с тыла, через выбитые иллюминаторы надстроек, никакого сопротивления не встретила...

Некому оказалось сопротивляться.

Установленный во вскрытом трюме комплекс «Кадет-7М» функционировал в автоматическом режиме и все наземные цели попросту игнорировал.

В общем, получилась тренировка. Отработка взаимодействия в условиях, близких к боевым. Геллуэй остался доволен: весь его маленький отряд по итогам учения заслужил оценку «отлично», все двенадцать человек. Даже тритон, надо признать, выполнил свою задачу четко и грамотно. Что, впрочем, на его судьбе никак не отразится.

Апач, кстати, совсем не походил на стереотипный образ ломщика, который так любят эксплуатировать сценаристы и режиссеры стереосериалов. Экранный ломщик всегда хилый и слабосильный, а то и вовсе калека, передвигающийся на инвалидном кресле. Апачу же отнюдь не приходилось компенсировать в виртуальных баталиях свою немощь в реальной жизни – парень рослый, плечистый, накачанный. И стреляет неплохо, и в рукопашной не подкачает. Клад, а не ломщик...

Даже немного жалко закапывать этот клад здесь, на бывшем дне бывшего моря.

Но придется.

...Подходы к локации и к огневой позиции комплекса его владельцы заминировать не позаботились. Едва ли причиной была их небрежность и дилетантская самоуверенность. Скорее, неплохое знание реальной обстановки.

Геллуэй себя дилетантом не считал, не задерживались дилетанты в его нынешней профессии – быстро становились или грамотными специалистами, или трупами. Однако и для Геллуэя столкновение с конкурентами здесь, посреди непролазных илистых болот, оказалось полной неожиданностью. Авиаразведка – да, более реальна, и от нее пришельцы застраховались.

Сухопутный путь сюда Геллуэй прокладывал два месяца, неторопливо, осторожно, устраивая замаскированные склады горючего в кораблях, самых неинтересных с точки зрения ска-

ута-кладоискателя, – «Гепарды» идеальное средство для передвижения по илистой топи, но горячее пожирают в баснословных количествах. Вероятность того, что кто-то еще занимается той же самой работой и нацелился на те же места, Геллуэй считал пренебрежимо малой. И в расчет не принимал.

Но даже самая малая вероятность не есть нулевая, подтвердит любой математик, – именно эта взяла да и осуществилась весьма поганым образом. Радовало одно: Геллуэй о неприятном факте уже знал, а неведомые конкуренты – нет.

Изучал «Кадеты» Абдельфарид, как главный специалист по военной технике. Ни слова не говоря, все облазил, ощупал, чуть ли не обнюхал... Долго исследовал металлический пенал, опустевший после пуска ракеты. Отвинтил крышку распределительного щитка, задумчиво рассматривал провода и контакты – опять-таки молча, никак не комментируя свои действия.

Апач откровенно скучал. Работой комплекса в автоматическом режиме управлял примитивнейший процессор, только и умеющий опознавать обнаруженные цели да выдавать команду на запуск ракеты, – у «мозга» кухонного мультикомбайна и то больше функций. Ломщику высокого класса зазорно подключаться к такому агрегату.

– Старые, списанные, – сообщил наконец швед. – Не армия.

– Зачем? – спросил было Геллуэй, увидев, что Олаф прикручивает крышку щитка, аккуратно уложив на место уплотнительную прокладку.

Но тут же сообразил – зачем. ЗРК, как ни парадоксально, работает не только на своих хозяев. На отряд Геллуэя тоже. Страхует от того, что в игру неожиданно вступит третья сила. Прилетит, например, кто-нибудь на боевом вертолете, позарившись на чужую добычу, – а тут для него наготове два оставшихся «Кадета». Разве плохо?

– Месяц, – сказал швед, вытирая руки тряпкой.

– Э-э?? Что – месяц? – переспросил Геллуэй.

– Месяц назад все это установили. Плюс-минус неделя. Скорее плюс.

И швед замолчал, посчитав, что прочие его наблюдения и выводы к делу не относятся. Какая, в самом деле, разница, в каком году и на каком заводе произведен комплекс?

Но время установки комплекса – информация крайне важная. Значит, месяц назад конкурирующая фирма уже по меньшей мере локализовала место работ. А возможно, и приступила к ним... И вполне может статься, что те работы близки к завершению. Геллуэй практически уверил себя в том, что цель у него и у конкурентов одна: «Иstanbul».

О том, что конкуренты могли не только начать, но и завершить операцию, Геллуэй не разрешал себе думать. Если его ждет скорлупа от съеденного ореха – опустошенный корпус «Иstanbul» – проще всего достать «дыродел», приставить к виску и на практике проверить все теории о загробной жизни. Люди, кредитовавшие его экспедицию, выстрел в голову считают чересчур гуманным методом воздействия на несостоятельных должников... Фантазия у них богатая, и фильмы о последних часах злостных неплательщиков смотреть без содрогания невозможно.

...По корпусу сейнера загрохотали подкованные ботинки. Чересчур быстро загрохотали, по мнению Геллуэя. Кто-то очень спешил сюда, прямо-таки бежал со всех ног... Очередная поганая новость?

Вниз спрыгнул Фигаро – опытный, проверенный в деле боец, но склонный воспринимать происходящие в жизни события чересчур эмоционально.

– Там... Там... – Слов у Фигаро не нашлось, и он широко раскинул руки, изображая нечто большое.

– Что? Что там? Сейф с «Куин Мери»? Говори толком!

– Во-о-о такие! Здоровенные!!

Геллуэю захотелось его пристрелить. Очень сильно захотелось. Но он сдержался.

– Тьфу... Тараканы у тебя в голове здоровенные, придурок... Что нашел-то?!

Окончательно закипеть и если не выстрелить, то хотя бы отвесить подчиненному пару затрещин Геллуэй не успел – подошел Валет, обследовавший вместе с Фигаро окрестности сейнера на «Гепарде», больше для проформы, чем в надежде отыскать что-то интересное.

Этот доложил четко:

– Следы. Чуть в стороне, где ил немного подсохший. Ведут отсюда на запад.

Четко, но ничуть не более понятно...

– Что за следы? Чьи следы? – изумился Геллуэй.

Ни на вездеходе, ни на танке здесь далеко не уедешь, аппараты же на воздушной подушке, вроде их «Гепардов», своей «юбкой» никаких заметных следов не оставляют.

– Две широкие колеи, – сказал Валет. – Никогда таких не видел. Вроде и не от колес, и не от гусениц...

Решение пришло мгновенно. Наплевать, на чем они тут ездят, на каких аппаратах неизвестной конструкции. Гораздо важнее – куда. К «Истанбулу», куда же еще...

Значит, условия задачи меняются: нет нужды вести кропотливые поиски, проверяя, какой из скрытых под слоем ила кораблей окажется искомым. Эту часть работы выполнили другие, и главный козырь теперь быстрота. Более чем вероятно, что здесь, на сейнере, установлен тревожный датчик – и он уже послал короткий условный сигнал, выделить который на фоне помех может лишь специальный фильтр. Тогда хозяева ЗРК уже едут сюда. Причем не слишком быстро – техника, оставляющая следы в болотной топи, слишком быстро передвигаться не может, законы физики не позволяют. А «Гепард» выжимает на форсаже семьдесят пять узлов, если же считать на сухопутный манер, в километрах, цифра получается еще больше... Есть шанс напасть на врага, пока он разделил свои силы, и уничтожить по частям. Алгоритм атаки только что отработан на сейнере – отчего бы не повторить?

– Собирай людей! – приказал Геллуэй швед�. – Все по «Гепардам», броники и «саранчу» не снимать!

4. Мирные люди с пулеметом

Алька ждал, что из леса появятся пешие чужаки. Появятся самое раннее через час после того, как Ибрагим подал сигнал, – и то если идут налегке и быстры на ногу. А кроме как на своих двоих в заброшенную деревеньку не добраться, место для жилья дед выбрал с умом.

Грунтовую дорогу, что некогда сюда вела, от окружающего леса сейчас и не отличить. Шоссе, от которого та дорога отходила, опознать еще можно: насыпь уцелела и асфальт кое-где виден, но никто по тому асфальту уже не поедет, даже на вездеходе, – вздыбленные обросшие мхом плиты, поднявшиеся торчком под напором выросших деревьев.

Водным путем тоже не подобраться, от реки далековато, и местность там труднопроходимая, болотистая топкая низина. Вертолет, конечно, прилететь может, но сесть ему негде: и бывшая деревня, и бывшие поля вокруг нее – сплошной лес. Покружит стальная птичка да и уберется восвояси...

Но оказалось, что всего дед Матвей предусмотреть не смог. Да и Алька тоже. Про один вид транспорта они не то чтобы не знали или позабыли, просто мысль о нем в голову не приходила...

Не через час, много раньше, на ведущей от Ибрагима тропе появились всадники. Один неторопливо выехал из-за деревьев, второй, третий... Всего чужаков оказалось пятеро. Все верхами, все при оружии.

Лошади... Для Альки они обитали в каком-то ином измерении. В стереофильмах, снятых на исторические темы. В компьютерных играх про эльфов и гоблинов. А в жизни... Нет, умом он понимал, что где-то настоящие живые лошади существуют и кто-то на них ездит, богатенькие верхолазы, например. Но понимание сего факта никак не предполагало возможности того, что лошади могут оказаться перед ним – живые, всхрапывающие, какие-то совсем неказистые в сравнении с экранными жеребцами и кобылами: те, в стерео, всегда лоснящиеся, с хвостами и гривами, расчесанными волосок к волоску...

Внезапно Альку посетила очень тревожная мысль, и он торопливо зашарил взглядом по окружающему подлеску... Уф... Отлегло... Собак или хотя бы одну собаку всадники с собой не привели.

Конечно, содержать собаку в наше время накладно, но ведь лошадь-то еще более прожорлива? А хорошо замаскированный в лесу хлев, где обитала коза Машка, а теперь к ней присоединилась и Настена, без собаки в жизни не отыскать, можно пройти в пяти шагах и не заметить. Но это лишь без собаки...

Всадники приблизились. Молча, никак не приветствуя их троицу, остановили коней на краю делянки. Двое спешили, остальные остались в седлах, все опять-таки молча. Кто такие, не понять, даже и гадать не стоит. Одеты кто во что – двое в пятнистых камуфляжных комбинезонах, смахивающих на армейские, остальные в гражданском. Оружие тоже самое разное. Армейский автомат с подствольником, и другой автомат (таких у солдат Алька никогда не видел), карабин с оптическим прицелом, и что-то еще непонятное, но явно стреляющее. У одного из тех, кто остался верхом, поперек седла лежал ручной пулемет.

Дед, Алька и немая сгрудились, неосознанно потянувшись друг к другу, и тоже молчали. Хотя Анжела и без того разговорчивостью не отличалась, но сейчас совсем смолкла, не мычала и не угукала.

Бандиты? Или мирные охотники? Или немирные, охотящиеся на двуногую дичь? Алька перебирал эти возможности, когда заметил, что у всех пятерых на груди, слева, не то пришиты, не то прилеплены одинаковые эмблемы, небольшие, в половину ладони размером. Что на эмблемах написано-нарисовано, отсюда не разглядеть.

Похоже, служивые все же люди... Приятнее знакомство от того не станет. Не армия, наверняка какой-то местный отряд самообороны, расплодился те отряды повсюду и оборонной занимаются лишь по названию – нападают тоже за милую душу. На всех, у кого есть чем поживиться. Алька очень надеялся, что в их убогом хозяйстве чужаки ничего не сочтут подходящей поживой.

Пауза затягивалась.

Нарушил ее один из тех незваных гостей, что были в гражданском. Пошагал по делянке, оставляя следы рубчатых подошв на свежевскопанной земле. Пройдя половину расстояния до Матвея и его домочадцев, остановился и произнес:

– Здорово, селяне! Расслабьтесь и принимайте гостей. Мы люди мирные, хоть и вооруженные.

Ну-ну, самое время расслабляться... Может, еще и удовольствие прикажете получать, когда начнете убивать и грабить?

Вооруженный, но мирный человек свой автомат (тот, что не армейский, без подствольника) держал в опущенной руке, дуло смотрело в землю. Но палец лежал рядом со скобой, и огонь чужак мог открыть через долю секунды. Кобура на поясе – застегнутая – не иначе как дополнительно демонстрировала миролюбие своего владельца. Заодно и вооруженность, понятно.

Его сотоварищи тоже расслабляться не спешили: оружие из рук не выпускали, даже тот, что держал в поводу двух коней. Аккуратно рассредоточились, кучей не собирались, – если дело дойдет до пальбы, под пули своих не подвернутся...

– И вам здоровья, – осторожно сказал дед Матвей. Что еще тут скажешь?

– Спасибо тебе, старинушка, на добром слове, пусть и не от души сказанном... Авось да сбудется.

«А ведь он городской и образованный, – подумал Алька. – Хоть и натянул ватник с обрезанными рукавами и сапоги-говнодавы, но городской. Речь выдает».

– Так вот, селяне, – продолжил городской и образованный, – расставим сразу все и всех по местам. Грабить и убивать мы вас не собираемся. Насиловать тоже. И даже объедать не будем, припасы имеются. Мы здесь по казенной надобности, сделаем свое дело и уедем.

Он замолчал, сдвинул предохранитель автомата, закинул оружие за спину. Улыбнулся широко-широко – посмотрите, дескать, какой я и в самом деле мирный...

– Что ж за надобность у казны до нас появилась? – спросил дед. – Или пенсию решили заплатить за семь лет просроченную?

– Фи... За пенсией – это в Питер, к федералам. Портфель справок собери, полгода в очередях поночуй – и получишь компенсацию. Как раз на четвертушку хлеба хватит. Или не хватит, уж как повезет. А мы власть местную представляем. Волостную. Переписчики населения.

– Кто?

– Переписчики. Населения. Тебя перепишем, и тебя, и тебя. И кто тут еще с вами живет, тоже перепишем. Учет и контроль, понятно? Ладно, селяне, откладывайте свой сельхозинвентарь и вон там присядем, пообщаемся.

Он кивнул на самодельный навес, под которым стояли кое-как сложенные из обрубков сосновых стволов подобия мебели. Совсем недавно (но еще в *другой* жизни, не очень сытной, но хотя бы спокойной) там сидели они вчетвером, и дед балагурил, пыхтя своей зловонной самокруткой... Там же и обедали в теплое время, если было чем обедать.

– Давайте, давайте, селяне, – поторапливал чужак. – Раньше сядем, раньше закончим. Мы люди казенные, нам еще объехать две точки сегодня надо, да и домой засветло возвратиться хочется.

– Как же называть тебя, казенный человек? – спросил дед Матвей.

Похоже, старый несколько успокоился. И в самом деле, когда хотят убить и ограбить людей, заведомо более слабых, политесы с разговорами затевать ни к чему. Но Альке все происходившее решительно не нравилось. Не кончится добром, ох не кончится...

– Зови меня, старинушка, по-простому, по-свойски: ваше благородие. А вопросов мне больше задавать не надо. Если совсем уж невтерпеж, сначала спроси разрешения. Спрашивать здесь буду я, а вы отвечать, правдиво и честно. Потому что уклоняющихся от переписи мы наказываем в административном порядке, согласно предписанию: вешаем на ближайшем дереве. А у вас тут не далекие степи Забайкалья, деревьев хватает, каждому по персональной сосне выделим. Доступно излагаю?

Вот так... Знайте свой шесток и помните: безоружный всегда раб вооруженного. По крайней мере сейчас и в этой стране.

«Благородие» сделал знак своим подручным. Те, что оставались в седлах, спешились, один собрал поводья всех пяти лошадей, повел их куда-то в сторону, за деревья. Другой чужак уже уселся за чурбаком, заменявшим стол, разложив на нем здоровенную книгу с разлинованными страницами. Альке показалось, что переплетена она кустарно, вручную, и страницы тоже разлинованы от руки.

Пулеметчик со своей машинкой отошел, пристроился поодаль на небольшом пригорке, настороженно поглядывал по сторонам. А последний бандит (пардон, переписчик населения) решительно пошагал к хибарке, по-хозяйски распахнул дверь, зашел внутрь.

– Э-э-э... – протестующе протянул дед Матвей и начал было вставать с грубо вытесанной лавки, на которую едва успел присесть.

– Сядь! – рявкнул «благородие». – Досмотр хозяйства! А кто уклоняется... – Он махнул рукой в сторону ближайшей сосны. – ...согласно предписанию. Доступно излагаю? – повторил он.

5. «Иstanbul», история вопроса

Официально считалось, что легкий ракетный крейсер «Иstanbul» – водоизмещение 2270 тонн, длина 102 метра, экипаж 289 человек – находился в День Станции в районе боевого дежурства, в северо-западной части Балтийского моря.

На деле же крейсер двигался в обход Скандинавии, направляясь в Баренцево море – очередное усиление эскадры Исламского Союза. Двигался, естественно, под прикрытием «зонтика», невидимый для радаров и спутников, и соблюдая полное радиомолчание – обнаружить корабль можно было лишь вблизи и лишь визуальными средствами разведки.

А затем случилось то, что случилось, – страшный катаклизм потряс недра планеты, пришла в движение дремавшая в глубинах магма – и на поверхности океаны откликнулись, отозвались гигантскими цунами...

«Иstanbul» исчез. К эскадре в Баренцевом море легкий крейсер не присоединился, на Балтику не вернулся, на связь больше не выходил. Поначалу исчезновение боевого корабля прошло почти незамеченным. Правительства – там, где уцелели правительства – подсчитывали потери более крупные: сотни смытых в океан городов и поселков, десятки взорвавшихся АЭС, сотни миллионов погибших людей...

Позже, когда хаос не то чтобы превратился в порядок, но стал более управляемым, про «Иstanbul» вспомнили. Восемь пусковых установок, тридцать две тактические ядерные ракеты, способные пролететь пол-Европы, два реактора последнего поколения, основной и резервный... О таком не резон забывать.

Крейсер считался непотопляемым. Конструкторы и строители кораблей часто именно так характеризуют свои детища и всегда что-либо не учитывают. Создатели «Титаника» не учли айсберг, который ну никак не мог дрейфовать в таких низких широтах в такое время года – однако дрейфовал...

Конструкторы «Иstanbulа» оказались более предусмотрительными. Считалось, что никакая естественная причина не могла отправить легкий крейсер на дно, да и людям, оснащенным самым современным оружием, пришлось бы для этого изрядно потрудиться. Гарантией непотопляемости «Титаника» считались одиннадцать водонепроницаемых отсеков – как выяснилось, лишь относительно водонепроницаемых: переборки между ними не доходили до палубы. На «Иstanbulе» счет действительно герметичных отсеков шел уже на сотни. Любой, даже самый малый отсек – боевой, технический, жилой – при тревоге автоматически задраивался (а при отказе автоматики – вручную) и был снабжен автономными системами жизнеобеспечения, позволяющими оказавшимся на дне людям дожидаться спасения в течение месяца. Фактически по этому параметру «Иstanbul» можно было назвать подводной лодкой – неспособной, правда, к самостоятельному всплытию.

И все-таки крейсер затонул.

Кораблестроители вновь просчитались, но грех их винить. Никак они не могли предусмотреть гигантскую, невиданную в истории человечества волну, набравшую разбег в Северной Атлантике и втиснувшуюся в акваторию Северного моря, породившую там водовороты непредставимых размеров, швыряющие корабли на скалы. Да и само появление новых скал в районе спокойного мореплавания лишь в кошмарном сне могло привидеться проектировщикам: ну кто мог предположить, что мирно дремавшая Скандинавская платформа вспомнит вдруг свою геологическую юность и сдвинется к юго-западу, вздыбливая литораль Северного моря?

Крейсер искали старательно: оружие, реакторы, компьютеры и оборудование должны были уцелеть в герметичных отсеках и представляли немалую ценность. Вычислили точку наиболее вероятного нахождения корабля в момент катастрофы, начали поиск в постепенно рас-

ширявшемся круге... Беда в том, что границы этого круга очень скоро соприкоснулись с ново-рожденной Шетландской впадиной, на дне которой продолжались активные вулканические процессы. Поиски в других секторах круга результатов не принесли – судя по всему, бурное течение Нового Гольфстрима утянуло корабль в такие бездны, где какие-либо спасательные работы по определению исключались...

Все заинтересованные стороны вздохнули с облегчением. Было их три: командование объединенного ВМФ Исламского Союза, объявивший о независимости Бернийский имамат и Исламская республика Эльскандия, многими признаваемая правопреемницей развалившегося Северного султаната, – и каждая утешалась тем, что лишний ядерный козырь не достался конкурентам.

Геллуэй ни на одну из сторон не работал, он вообще был профессионалом другого профиля – хоть и специализировался по исследованию погибших судов, но лежащих не в морских глубинах, а на новой суше. Однако именно он случайно натолкнулся на аварийную капсулу «Истанбула», некий гибрид спасательный шлюпки и батискафа, способный покинуть не просто тонущее судно – уже затонувшее и лежащее на большой глубине.

Капсула нашлась там, где она, по всем расчетам, не могла найтись, и была заполнена мертвецами – тридцать девять мумифицированных тел в герметичном гробу: страшный удар о скалы титанопластовый корпус капсулы выдержал, люди оказались сделаны из менее прочного материала... Мертвец в роскошном капитанском мундире сжимал в руке водонепроницаемый футляр, а в нем хранился чип с судовым журналом.

Возможно, военные моряки, что как раз в это время вели активные поиски «Истанбула», заплатили бы за чип определенную сумму. Но куда с большей вероятностью попросту конфисковали бы его, все-таки собственность ВМФ... Геллуэй не стал проверять их щедрость, сразу сообразив – вот его шанс. В мечтах тот виделся Геллуэю несколько иначе: как сейф с затонувшей яхты богатенького верхолаза, например. Но и тридцать две ядерные боеголовки – очень неплохой куш в мире, где сила оружия стала куда действеннее, чем сила денег и сила законов...

Конечно же, судовый журнал был зашифрован. Взломавший код машинист по прозвищу Спичка давно кормит червей в земле, а координаты места, где лежит «Истанбул», хранятся лишь в голове Геллуэя. Приблизительные координаты, увы, – аппаратура крейсера, способная определять его положение с точностью до метров, стала бесполезной, потеряв связь с навигационными спутниками, и штурману пришлось воспользоваться дедовскими методами...

Но в любом случае и ВМФ, и Эльскандия, и посланцы имама Берни искали очень далеко от истинного положения крейсера. Секретность, окружавшая последний поход «Истанбула», сыграла свою роль – последние тридцать часов ракетоносец двигался в направлении, почти противоположном предписанному: проблемы с основным реактором заставили командира корабля повернуть на исламскую базу ВМФ в Киль-Кале. Радиомолчание крейсер по-прежнему соблюдал... А когда *грянуло*, все призывы гибнущего корабля о помощи остались без ответа, командир до самой своей смерти не знал причин отказа связи: спутники, оказавшиеся в непосредственной близости от гигантского энергетического столба, вставшего над планетой, сгорели или попадали, угодившие на дальнюю периферию выплеска энергии – превратились в мертвые куски железа, бесцельно кружащие по орбитам.

Труднее всего оказалось найти покупателя на боеголовки и разработать схему обмена их на деньги, а не на порцию свинца... Геллуэй нашел, Геллуэй разработал, и казалось, что все продумано, просчитано и взвешено, ничто не помешает взять главный приз и закончить свои дни в покое и довольстве, а не сдохнуть в очередном рейде по проклятым болотам...

Так лишь казалось.

В игру вступили новые игроки. Кто именно, не так уж важно, Геллуэй не желал ломать голову над этим вопросом. Может, кому-то удалось найти другую спасательную капсулу «Истанбула»? Командир, как следовало из записей, был уверен, что в его капсуле собрались

все уцелевшие, но вдруг? Или Спичка перед смертью как-то исхитрился скопировать судовой журнал? Или покупатели неведомым образом сумели вычислить район предстоящих поисков – и решили сыграть на опережение, выслали свою группу?..

Не важно. Случатся вдруг пленные, можно будет допросить, хотя много ли знают простые исполнители... Брать кого-то в плен Геллуэй не был настроен. Он мчался к «Истанбулу» с одним намерением: убивать. Убивать всех, кто там окажется, кто посмел протянуть свои грязные лапы к его мечте, такой близкой, такой реальной...

...Следы неведомого транспортного средства (действительно не похожие ни на что известное Геллуэю) порой исчезали, на особо топких местах жидкий ил давно восстановил свою нарушенную гладкую поверхность. Но там, где посуше, громадные колеи – почти в человеческий рост глубиной – можно было разглядеть издали, хоть с километрового расстояния. «Гепарды» со следа не сбивались.

Передовая машина выскочила на гребень очередной гряды, и Геллуэй увидел то, что видел до сих пор лишь на снимках, на изученных до мельчайших деталей схемах и чертежах, а еще чаще в сновидениях, – «Истанбул»...

Крейсер лежал на киле с боковым креном около двадцати градусов. Вернее, так лежала его передняя часть. Оторвавшаяся корма в двадцати метрах, и крен ее значительно сильнее... Примерно такая картина и ожидалась после изучения корабельного журнала.

Но кое-что стало для Геллуэя полной неожиданностью.

6. Учет и контроль как основа феодальной экономики

– Как это нет фамилии? – удивился «благородие». – Мало ли что немая, но грамоте-то обученная? Пусть на бумажке фамилию напишет.

Анжела замычала что-то протестующее. Дед Матвей пояснил:

– Она и сама-то не знает. Под бомбежку баба попала, контузило и всю память отшибло. Имя кое-как вспомнила, и все. Где жила, чем занималась, родня жива ли, – ничего, сталбыть, припомнить не может.

– Нет фамилии – нет и человека! – наставительно сказал «благородие». – Сейчас придумаем...

Думал он недолго, секунды две. И в размышлениях своих не перетруился. Объявил:

– Будешь отныне Анжелой Беспрозванной! Пиши, Сидор: Анжела Беспрозванная, пятьдесят один год и два месяца, НДР.

Возраст он сочинил так же легко и просто, как и фамилию. Бомбежка не повод для нарушения порядка.

– Беспрозванная – с одним «эн» или с двумя? – спросил Сидор.

– Без разницы. Пиши с одним, бумагу сэкономишь.

Писарь по имени Сидор заводил пером по бумаге. Вернее, не совсем по бумаге и не совсем пером. Книга состояла из листов белого пластика, на котором ни карандаш, ни ручка следов бы не оставили, да и на самокрутки он не годился ввиду полной несгораемости. Чувствителен был материал лишь к свету с определенной длиной волны, и писарь выводил свои записи лазерным стилем.

– Разрешите спросить, ваше благородие, что значит эндээр? – поинтересовался дед.

Под левым глазом у него набухал здоровенный синяк – напоминание о том, кому здесь вообще-то полагается задавать вопросы.

– Спроси, старинушка, спроси. Разрешаю, – глумливо произнес «благородие».

– Э-э-э... м-м... Сталбыть, спрашиваю: что значит эндээр-то?

– То и значит – сколько поле ни засевай, ни черта не вырастет. Неспособная к деторождению.

Алька и старик уже были учтены и переписаны, получив аббревиатуры ГСС и ОГСС соответственно. Годен и ограниченно годен к строевой службе. Дед – поплатившись за вопрос подбитым глазом – изумленно спросил: на какой такой службе его собираются использовать? Танкистом или летчиком? «Благородие» пообещал службу легкую: кашеварить, например. Или по минному полю шагать впереди взвода.

Альку значение дурацких аббревиатур совершенно не занимало. Он напряженно гадал о другом, о главном: рассказал или нет Ибрагим чужакам про Настену? Специально бы говорить не стал, понятно, но мало ли... Вдруг «благородию» и его присным жены Ибрагимовы приглянулись? Староваты, конечно, но вдруг? Ибрагим при таком раскладе вполне мог сказать: есть, мол, тут совсем неподалеку помоложе да посимпатичнее... Своя рубашка ближе к телу.

Тогда «благородие» попросту играет с ними, как сытый кот с мышью. А может, и не играет, может, просто привык над людьми куражиться, а про девушку Ибрагим промолчал?

Пока Алька себя накручивал, писарь закончил выводить последнюю запись, а к навесу подошел тот парень, что шарился в хибарке. Ничего докладывать не стал, лишь пожал демонстративно плечами.

– Ну и ладно, – добродушно проронил «благородие». – Рад, селяне, что отнеслись вы с пониманием, миссии нашей не препятствовали, ничего не утаили... Потому что все утаенное и затем обнаруженное подлежит немедленной конфискации. Поросятка прятать вздумаете – заберем поросятка. Мешок соли утаите – заберем. Бочку керосина припрячете – зимой при

лучине сидеть будете. Ну и, понятное дело, людей лишних, не учтенных сразу же забираем. Но у вас-то все чин по чину, правильные селяне, порядок понимаете...

Он говорил совсем уж благодушно, а потом словно взорвался:

– Кто в той халупе живет?! Почему не сказали?! Молчать!!! Ты отвечай! – Он ткнул пальцем в Альку. – Быстро, не задумываясь!

– В какой халупе... – не понял Алька. – Мы тут только...

– Вон в той, парень, вон в той, куда тропочка мимо кустов бузины ведет... Кто живет? Живо!

Отсюда, из-под навеса, ни тропку, ни строение увидеть не было никакой возможности. Значит, «благородие» рассмотрел все еще при подъезде, хоть и с той стороны углядеть что-то сквозь стену подлеска непросто. Глазастый, однако...

– Никто там не живет... – сказал Алька. – Банька там у нас.

– Банька... – презрительно скривил губы «благородие». – Да лучше полгода грязным ходить, чем в таком клоповнике мыться... Ильгис, проверь.

Камуфляжник неторопливо, вразвалочку пошагал к баньке. Алька почувствовал нешуточное облегчение. Ничего, похоже, Ибрагим не сказал, и «благородие» стреляет наугад, в расчете на случайную добычу. Это хорошо, это просто здорово, но все-таки немного обидно, что их хитроумный план, рассчитанный на неприятный поворот событий, не пригодился...

«Благородие» меж тем заговорил иным тоном, деловым, без угроз и подначек:

– Значит, так, селяне. Как я вижу, соток двадцать вы тут под картошку поднимете. Урожай будет мешков пятьдесят, не больше. Паршивая земля, истощенная... Удобрений в этом году не получите, все до грамма расписано. Своими силами обходитесь, золу подсыпайте, дерьмо собственное... Налог с вас будет, как со всех, – пятина. Пятая часть, значит. Как урожай выкопаете, десять мешков к Ибрагимке на себе доставите, а мы оттуда на баркасе до замка доведем. Если вдруг неурожай – лето жаркое, без дождей, или еще что – идите в замок, пишите челобитную его сиятельству, бланк и образец в канцелярии выдадут. Не будет за вами провинностей числиться – скостим за этот год налог, на другой доплатите недоимку с процентами. Кроме того, общественные работы. В июле, по низкой воде, мост будем через Плюссу восстанавливать...

Тут «благородие» узрел изумление на лицах слушателей, осекся, махнул рукой.

– Э-э-э, да вы тут совсем дикие, жизни не знаете, сидите в лесу, как Робинзон на острове... Ладно, спрашивайте без разрешений, только быстро и по делу.

Дед быстро спросил о главном:

– Это с чего ж мы, твое благородие, картофь свою кровную отдавать должны? Ты, стал-быть, лес тут корчевал? Сажал ее, картофь, своим потом поливаячи? Или, может, ты зимой...

«Благородие» перебил, произнося слова негромко, отдельно и отчего-то очень страшно:

– Как ты меня назвал? Повтори.

Он не сделал никакого угрожающего жеста, не потянулся к лежащему под рукой автомату, но Алька понял: сейчас он убьет деда. И они останутся втроем.

– Ваше... ваше благородие... – торопливо поправился дед Матвей, тоже углядевший что-то совсем нехорошее во взгляде собеседника. – Извиняйте, невзначай вырвалось...

– Вот так. И только так. Теперь отвечаю: вы живете на чужой земле. На самовольно захваченной чужой земле. А за все в жизни надо платить. Не только за землю. Защита тоже кое-чего стоит. Его сиятельство давно всем самочинщикам амнистию выписал: живите, землю поднимайте, хозяйство крепите... Ну и налог, конечно, платите, и предписания соблюдайте. А если беспредельщики из-за Плюссы придут? Картошечку заберут, тебя, старинушка, на месте кончат, а парня с бабой – в шахты, сланец рубить. А нынче шахтеры не те, что в старые времена, когда их большими деньгами в шахту заманивали. Нынче у шахтера один путь – вниз, под землю. Под солнышко даже трупом не вернется. Пока норму наверх выдают, им жратву и воду

вниз спускают, да теплогенераторы. А не отгрузят – шиш, друг друга жрите. И ведь жрут, по слухам. Что тебе, парень, больше по нраву: картошечкой поделиться с тем, кто тебя охраняет, или в шахтеры пойти? Можешь не отвечать, вопрос риторический. Короче говоря, не нравятся порядки здешние – собирайте манатки и ищите лучшей доли. Его сиятельство никого силком не удерживает.

– А кто это – его сиятельство? И «замок» его где? – торопливо спросил Алька, чувствуя, что время свободных вопросов истекает.

– Его сиятельство – господин барон Гильмановский, глава волостной администрации. Ну а замком мы администрацию зовем... Где ж обитать барону, как не в замке?

– Настоящий барон? – подивился дед. – Из тех, допрежних?

– Не из тех, но самый доподлинный. Удостоен за заслуги перед императорским домом. Бумага из Цюриха, от наследника престола выправлена, на стене висит, в рамке и с золотой печатью. И герб от геральдической комиссии – вот, видал?

Он ткнул себя пальцем в грудь, где была пришита эмблема – баронский герб, как выяснилось. Изображал он вставшего на дыбки медведя, сжимавшего в одной лапе большой циркуль, а в другой автомат «абакан». Над зверем нависала небольшая золотая корона, а вокруг кресты на лазоревом фоне да снизу надпись латиницей, мелкие буквы, не разобрать.

Замки и бароны в представлении Альки ассоциировались с другим миром, пусть жестоким, но *ярким*: дамы в декольтированных платьях, штандарты над ажурными башнями, роскошные рыцарские турниры... А тут... Репьи в конских хвостах и ватник с обрезанными рукавами. Не то. Подделка.

– Ну ладно, селяне, – сказал «благородие», поднимаясь. – Не буду дольше отвлекать от трудов праведных. Работайте, бога не забывайте.

Неожиданно подмигнул Альке, произнес с улыбкой:

– А ты парень, я гляжу, крепкий, не увечный. Зазорно такому в земле ковыряться. Осенью будет смотр, если приглянешься его сиятельству – к нам в дружину попадешь, может, вместе станем...

Он не договорил. К навесу быстро, чуть ли не трусцой, подошел тот же камуфляжник, Ильяс, кажется, или Ильгис, Алька уже не помнил... Не то Ильяс, не то Ильгис с размаху шлепнул что-то на стол-чурбак. Заявил торжествующе:

– Девку прячут, крысеныши! Или бабу молодую! Гляньте, вашбродие!

«Благородие», явно ничего не понимая, уставился на обмылок, лежавший на столе. И Алька ничего не понял, да и остальные, наверное. Мыло как мыло, сероватое, с дурным запахом, но лучше уж таким мыться, чем...

– А-га-а-а... – протянул «благородие», не то сообразив, не то разглядев.

Брезгливо, кончиками пальцев, поднял обмылок, начал отлеплять-разматывать с него волос – длинный, русский, ничего общего не имевший с прическами «селян»: Алька раз в месяц брил голову, у деда вокруг лысины рос венчик седых волос, а шевелюра Анжелы канула в той же бомбежке, что и память.

Волос принадлежал Настене.

Все вроде предусмотрели, все следочки ее здешнего житья попрятали, а на такой малости погорели...

7. Конкурентная борьба с применением артиллерии

Одного взгляда хватило, чтобы понять две вещи, обе до крайности неприятные.

Во-первых, конкурентов оказалось значительно больше, чем он рассчитывал. Численность своего отряда Геллуэй полагал оптимальной для выполнения задачи и надеялся, что чужаков будет примерно столько же: десяток, много полтора. Просчитался... На крейсере и вокруг него находилось, пожалуй, не менее тридцати человек, но едва ли все враги разгуливали на виду, кто-то из них оставался во внутренних помещениях корабля, кто-то – в большом разборном ангаре, установленном неподалеку, кто-то – в незнакомом Геллуэю средстве передвижения, в «грязеходе», как он называл его в мыслях.

Во-вторых, сразу стало ясно – стрелять в сторону крейсера нельзя. В крайнем случае аккуратнейшим образом, из легкого стрелкового...

Неизвестно, к какой цели стремились конкуренты, но явно не к той, что Геллуэй: демонтировать и тайно вывозить боеголовки они не собирались. Пусковые установки не находились под палубой крейсера, как полагается, – незваные гости вытащили их наружу, используя самодельный подъемный механизм из системы блоков и корабельной лебедки.

Мало того – установки не просто извлекли, но и выровняли, компенсировав крен при помощи импровизированной сварной конструкции, и заново подключили к ним кабели и шланги.

Мало того – пеналы с ракетами находились на пусковых. Все восемь штук. Не учебные макеты, и не обычные ракеты, не снабженные ядерной боеголовкой, – и то, и другое имелось на «Истанбуле», но ярко-белая окраска пеналов не позволяла Геллуэю усомниться: товар, за которым он шел, готов улететь неведомо куда.

На прежнем «Истанбуле», плававшем по морям, такое не позволялось даже на маневрах и учениях. Тренировались на макетах, учебные стрельбы проводили осколочно-фугасными и лишь при красной тревоге, при непосредственной подготовке к ядерному удару ракеты в белых пеналах могли оказаться на пусковых...

Геллуэй не мог понять, что тут затевается. Конкуренты вознамерились спровоцировать атомную войну? Кого? С кем? Решились шантажировать какой-нибудь Анклав или государство? Приставив к виску этакий ядерный «дыродел», можно выторговать немало... Или в самом деле собрались кого-то либо что-то уничтожить?

Сейчас чужаки активно работали с антеннами крейсера. Причем большую грибовидную, расположенную на корме корабля, они уже выровняли и, судя по ее вращению, запустили в рабочий режим – «зонтик» вновь прикрывает «Истанбул».

Размышлять над увиденным Геллуэй не стал. Выкрикнул в микрофон:

– Атакуем по плану «В-2»!

Дождался, пока Апач включит связь, и повторил ту же фразу для второго «Гепарда» – план «В-2» соблюдение режима радиомолчания не предусматривал.

Обе машины рванулись вперед – на форсаже, завывая турбодвигателями.

И почти сразу по ним открыли огонь.

...Все, кому доводилось иметь дело с Геллуэем (вернее, те, кто имел дело и остался в живых), единодушно считали: он законченный псих. Пятнадцать лет работал в СБА, причем не на теплом месте где-нибудь в Анклаве – мотался по всему миру, сопровождая геологов, пытающихся разыскать хоть какие-то неразведанные, случайно пропущенные запасы нефти. Поиски проходили в местах самых диких, населенных людьми порой до крайности неприятными и негостеприимными. Собачья была у Геллуэя служба, но оплачивалась хорошо. А потом случилось Черное Лето мировой экономики, банки полопались вместе с надеждами Геллуэя на обеспеченную старость, и крыша у парня поехала... Свою мечту – дожить остаток жизни

богатым человеком – он теперь превращает в реальность крайне жестко, убивая даже тогда, когда без этого вполне можно обойтись...

Но профессионализм и умение тщательно готовить и просчитывать операции Геллуэй, при всей своей отмороженности, не потерял. Со стороны могло показаться, что он впал в бешенство при виде чужаков, тянущих лапы к вожделенному сокровищу, что бросился на них как бык на красную тряпку, – очертя голову, без плана и подготовки, практически на верную гибель...

На деле же Геллуэй действовал не наобум: в то, что придется драться за крейсер, не верил – однако же имел план и для такого поворота событий.

«Иstanbul» он знал прекрасно, мог с завязанными глазами пройти по крейсеру от камбуза до мостика – пройти любым путем, хоть самым коротким, хоть самым безопасным... Своих соратников Геллуэй заставил изучить внутренности корабля не менее дотошно, причем не только на схемах и планах – на виртуальном макете, закачанном в «балалайки».

Геллуэй и его люди были готовы ко всему. Даже к маловероятной возможности боя во внутренних помещениях крейсера с численно превосходящим противником. Но это на крайний случай – если не сработает план «В-2», главная роль в котором отводилась ломщику Апачу и процессору, снятому со спасательной капсулы «Иstanbul».

Процессор ничего особенного из себя не представлял, выполняя простейшие функции навигации, связи и жизнеобеспечения капсулы. Однако с него можно было дистанционно войти в локальную сеть «Иstanbul». Пусть ненадолго – сеть быстро разберется, что коды доступа давненько не возобновлялись, и попытается заблокировать канал. Но по меньшей мере два информационных пакета в сеть «Иstanbul» уйдут – и тут уж Апачу все карты в руки.

Беда в том, что дистанция доступа ограничивалась прямой видимостью и уже за ближайшей возвышенностью связь прекращалась – спутник, обеспечивающий ее на дальних расстояниях, канул в День Станции. Ломщику приходилось работать с «Гепарда», ведущего бой.

...На стрельбу из полутора десятков стволов Геллуэй почти не обращал внимания – защита кабины и двигателя выдержит и пулю, и легкую гранату из подствольника, а резиноподобный материал «юбки» аппарата обладал свойством сам затягивать небольшие пробоины.

Но 37-миллиметровая скорострельная шестистволка «Иstanbul» – это серьезно. Предназначалась она для борьбы со скоростными и слабо бронированными целями, как раз такими, как «Гепард». Едва ли чужаки предполагали, что в гости к ним заявится группа Геллуэя, но пушку предусмотрительно привели в порядок. Повезло, что стрелял из нее – дистанционно, оставаясь в боевой рубке, – не комп, а человек, к тому же не слишком опытный. Похоже, за пультом наводчика оказался тот, кто был к нему ближе в момент начала атаки.

Геллуэй маневрировал, бросая «Гепард» то вправо, то влево, резко тормозил, ускорялся, выписывал немыслимые зигзаги... Пока что маневры помогали разминуться со снарядами, но наводчик явно осваивался, и разрывы ложились все ближе.

Ладно хоть управляемым реактивным снарядом не могли ударить, Геллуэй намеренно держался в мертвой зоне реактивных установок, вернее, в зоне неуправляемого полета снаряда.

Наверху тархтел пулемет – Фигаро, управляя им дистанционно, стрелял по всему живому, что видел, стараясь лишь не направлять ствол в сторону пусковых установок и антенн крейсера.

– Ну что?! – спросил Геллуэй у ломщика через «балалайку».

Проклятая пауза показалась бесконечной, и он успел подумать, что если попытка не удалась, то придется воспользоваться планом «В-3»: пробиваться внутрь корабля и подключаться напрямую к информационным шлейфам, потерь в таком случае не избежать, ведь драться придется с противником, видящим каждое помещение, контролирующим запорные механизмы всех люков, и тогда...

– Связь зафиксировал. Теперь не мешай... – наконец отозвался Апач.

Он сидел с закрытыми глазами в специальном кресле, компенсирующем толчки и ускорения, тонкие провода змеились вокруг, соединяя «балалайку», процессоры капсулы и «Гепарда», «раллер»... А еще – небольшую черную коробочку, закрепленную на обнаженном предплечье ломщика. Несмотря на скромные размеры, в ней скрывался достаточно совершенный медицинско-диагностический комплекс, фиксирующий малейшие изменения в физическом состоянии и впрыскивающий в кровь точно отмеренные дозы синдина. Передозировка Апачу не грозила, и в помощи ассистента в процессе взлома он не нуждался.

Геллуэй мысленно пожелал ему удачи.

8. Развилка жизненного пути

– Вы же, селяне, у меня не первые... – грустно произнес «благородие». – Не вторые и даже не третьи, кого переписываю. Нагляделся и все понимаю. Время лихое, приходят люди с оружием – прячь девок, прячь скотину, не то все позабирают... А нам не забирать, нам жизнь хоть как-то наладить задача поставлена. Короче говоря, селяне, перед вами сейчас развилка жизненного пути. Или в дурости своей быстренько мне покаетесь и штраф заплатите, или врать и упорствовать начнете: шла, дескать, дева-странница мимо, а вы ее на ночлег пустили да в баньке попарили. Тогда разговор предстоит болезненный. Для вас, разумеется.

Звучало все разумно. Правдиво звучало... Да только Алька не верил. Они феодализм натуральный возрождать затеяли, с оброками и повинностями... А там среди повинностей вроде и «право первой ночи» числилось. Кто ту повинность в замок отбывать пойдет? Не Анжела немая, надо думать... Да и штраф «благородие» чем брать собирается? Обрезками семенной картошки? А то Алька не видел, как бойцы его Анжелку разглядывали: не согдится ли, часом, для «деторождения»... Нет, господа феодалы, ищите дураков в другой деревне.

– Не в чем нам каяться, – тяжело вздохнул дед Матвей. – Волосы внушки моей, Настены...

– Где? – коротко спросил «благородие».

– Пойдем, отведу...

Алька отметил, как оживились «дружинники», какими взглядами переглядывались. И понял, что был прав. Может, первая ночь среди повинностей и не числится, но, похоже, у баронской челяди право пользоваться приглянувшихся селянок есть. Или без всякого права юбки задирают, и жаловаться на них как бы себе дороже не получилось...

Шагали все ввосьмером: и пришлые, и местные. Дружинники оружие держали в руках и позыркивали на троицу робинзонов отнюдь не дружелюбно. Скольких, интересно, они переписали, а скольких уклонявшихся по деревьям развесили?

Погост был обустроен внутри здоровенного, раза в четыре больше остальных, фундамента. Может, в древние времена стояла тут сельская администрация, или почта, или еще какое-то казенное здание... А сейчас посреди фундамента вымахала высокая сосна, а под ней – одинокий холмик, свежий, с воткнутым колом и приколоченной поперек него табличкой. На табличке значилось: АНАСТАСИЯ ГНЕДЫХ. А чуть ниже две даты, вторая совсем недавняя... Табличку регулярно, раз в три дня подправляла сама Настена, она же перекапывала холмик, шутила: «Сто лет теперь проживу, не меньше...»

– Третьего дня, сталбыть, представилась... – сказал дед негромко и печально. – Весна... За зиму все подъели, а сейчас супцом из лебеды пробавляемся... Ну и... Слабела день ото дня, иссохла, совсем, сталбыть, как былиночка стала...

Дед всхлипнул. По морщинистой щеке – Алька удивился – поползла настоящая слеза. Сам он не смог проследить над фальшивой могилкой... Но постарался изобразить печальное лицо, вздохнул жалостливо.

– Сочувствую, селяне... – сказал «благородие».

Почти даже искренне сказал, и почти даже стал похож не на цепного баронского пса, а на нормального человека. Но затем добавил, все испортив:

– Молодая... Много чего за нее в замке могли получить, селяне...

– Молодая и свежая... Может, откапает? – предложил пулеметчик и загыгикал так, что стало ясно: доверять такому дебилу пулемет – дело рискованное.

У Альки все сжалось внутри. Ну как «благородие» и в самом деле заставит их разрыть яму? Для проверки, для полной гарантии?

Не заставил. Вскоре кучка всадников исчезла за деревьями – возвращались назад той же тропкой, что и приехали, дальше конного пути не было: непроходимые леса, буреломные, там и

пешему-то надо топором себе дорогу прорубать... И туда, подумал Алька, надо было уходить, когда присматривали место для поселения. Потому что здесь жизни не будет. Повадились приезжать, теперь не отстанут. Может, поначалу и в самом деле не станут налогом давить, дадут хозяйству подняться. Зато потом спуска не жди... Да и Настену один раз уберегли, а в другой гости незваные нагрянут неожиданно – и что? Ибрагим к ним в сторожа не нанимался...

Дед Матвей придерживался того же мнения.

– Сниматься с места надо, – говорил он час спустя, когда Настена вернулась из убежища. – Летом к Нарове дорожку разведем, плот в укромном месте на берегу сладим. Урожай соберем, продадим, – и ходу на тот берег. А благородиям и сиятельствам, сталбыть, шиш на масле, а не картошь нашу кровную... Ну да ладно, пора и за работу. Хошь не хошь, а деланку заканчивать надо.

Чем больше Алька, уныло ковыряя землю, размышлял над планами деда, тем меньше они ему нравились. Потому что, если уж решил бежать – так беги, все бросай и беги. А земля, тобой обработанная, она ж как липкая паутина: держит, не отпускает. Вот и деду не расстаться со своими деланками, расчищенными и засеянными... Урожай соберут, проще не станет. Продать – легко сказать, картошечка многим нужна, да чем покупатели расплачиваться будут? Деньги федеральные сейчас ничего не стоят, даже на самокрутки не годятся, каждый глава администрации свои боны печатает или кредитные обязательства. Наверняка и здешний барон какие-нибудь дукаты шлепает... Или флорины, с него станется. Хождение местные валюты имеют, конечно, но уже в соседнем районе меняют их по курсу безбожному, грабительскому, а чуть дальше отъедешь, никто и за деньги не посчитает... За юани или динары продать урожай – другое дело, тогда и вправду можно куда угодно переехать и не голодать, на новом месте, все с начала начиная. Беда в том, что не водится у здешнего народа ни юаней, ни динаров, а если у кого вдруг есть немножко – прячут в укромном месте и на картошку ни за что не потратят.

Можно, как крайний вариант, выменять на картошку патроны. Они – валюта самая надежная, нужная всем и везде. Ну тут есть одна тонкость. Патронами между собой расплачиваются люди сильные, вооруженные, кто не боится, что в него тем же патроном и выстрелят... С их припрятанной охотничьей одностволкой – старой, срабатывающей через два раза на третий – лучше на такой торг не соваться.

В общем, деду Алька не верил. Не считал, что тот их специально обманывает, – сам обманывался старый. Сейчас его земля возделанная держит, а осенью к ней урожай добавится, ни продать, ни бросить «кровную картошь» Матвей не сможет... Отложит до весны, а там опять ноги едва волочить будут, и все по кругу... Так и сгниет плот в укромном уголке на берегу Наровы.

У Альки свой план имелся. Думал, позже начинать придется, через год, когда повзрослеет, сил наберется... Но жизнь иначе рассудила, и Алька решил: сейчас. И с Настеной надо поговорить сейчас, не откладывая, пока решимость не угасла, пока сам не начал придумывать десятки предлогов отложить разговор.

Едва дед объявил очередной перекур и достал свою заветную книжку, Алька отозвал Настену в сторонку, за фундамент, заросший диким малинником. Матвей понимающе хмыкнул им в спину.

Для долгих вступлений времени не было, и Алька сразу взял быка за рога:

– Уходить надо, Настя. Не осенью, раньше. Псы баронские до осени сюда еще наведаются и до тебя доберутся.

Уговаривать и убеждать не пришлось. Перспективы здешнего житья-бытья, как выяснилось, Настена оценивала весьма схожим образом.

– Знаю, Аленький... Помогу деду отсечься, поблагодарю за все доброе – и уйду. Одна. Негоже вам хозяйство бросать из-за меня. А со мной только бед наживете...

Сначала Аленьким цветочком, а затем и просто Аленьким его только Настена называла. Алька не возражал, нравилось... А вот задумка ее не совсем приглянулась. Он примерно то же самое планировал, но чтобы вдвоем с Настеной.

Хотел было сказать, что не сможет она одна, не сумеет, до первого поста на дороге дойдет – и все, солдатам на потеху... Но не сказал. Знал, что еще как сможет и сумеет. Когда Настена к ним прибилась, от мальчишки-беспризорника ничем не отличалась: коротко острижена, грудь прибинтована, да еще лишай фальшивый на всю щеку... Та еще выдумщица, ложную могилку тоже она придумала.

Поэтому сказал Алька другое:

– А куда? По всей России ведь как здесь, а кое-где и похуже...

– В Москву, наверное. Там хоть какой-то порядок сохраняется. Может, пропустят, работу найду...

Никакой уверенности в голосе девушки не слышалось. Про Москву слухи ходили самые разные, но сходились они в одном: в Анклав попасть и раньше было непросто, а теперь и вовсе всем приезжим от ворот поворот дают. Якобы пару раз голодные толпы пытались прорвать периметр со стороны России – останавливали их жестоко, пулеметами.

Алька заговорил быстро – перекуры у деда недолгие, – но уверенно и убедительно:

– Я ведь тоже здесь засиживаться не собираюсь, и так в лесу тоскливо, а без тебя вообще... Только не в Москву надо. На север, к Станции. Я карту смотрел, высчитывал – за месяц дойти можно. Они всех пускают, пусть не сразу, но я согласный хоть месяц, хоть два, хоть три в фильтре ждать...

– Пускают – и что?

– Дорога там, туннель к другой планете... Новый мир, представляешь? Ни радиации, ни голода, все по-другому...

– Слышала я эту сказку, Аленький. Не бывает так. К другим звездам долго лететь надо, а так, чтобы в коридор на одной планете войти, на другой выйти, – не бывает.

– А если бывает? А если так и есть? Недаром вся планета наша на дыбы встала, когда тот коридор пробивали. Да и люди ведь идут туда и идут вдоль магнитки, назад не возвращаются...

– Новый мир... – произнесла Настена мечтательно.

А продолжила совсем иным тоном:

– Только если и вправду не сказка – люди-то туда идут прежние. Озверевшие. Кто-то, как здесь, с нуля начинать будет, зимой с голода пухнуть, а кто-то их обирать тут же пристроится, грабить да насиловать...

– Хуже, чем здесь, не будет, – заявил Алька убежденно. – И так, как здесь, не будет. Если нефти в достатке, если почвы не истощенные – наладится все помаленьку. Не такие люди уж звери из себя, просто жизнь собачья. Даже «благородие» сегодняшний, может быть, человеком бы стал, если б мог иначе на жизнь нормальную заработать...

Он услышал голос деда Матвея, окликавшего их по именам – хватит, дескать, любезничать, пора за работу, – но не обратил внимания, надо было спросить самое главное. И получить ответ.

– Пойдешь со мной на север?

«Со мной» он выделил голосом.

– С тобой?

Настена улыбнулась, помедлила с ответом, у Альки все сжалось внутри, сейчас она скажет, какой он глупый мальчишка, или что-то другое, утешительное, чтоб не так обидно прозвучал отказ. Наверное, надо было спрашивать совсем иначе, надо было что-то сказать про свои чувства к ней, но он не умел, хотел и не получилось, и теперь...

Ответить она не успела. Со стороны делянки послышался крик. Истошный крик, страшный. Кричала Анжела, без слов, вопила на одной ноте.

Алька бросился туда, обогнул угол фундамента – и застыл столбом, чуть не упершись грудью в дуло «дыродела». Настена врезалась на бегу в Алькину спину.

– Ну, с воскрешением тебя, Анастасия Гнедых, – весело произнес «благородие», сделав пару шагов назад. – А ты симпатичная и бойкая, для трехдневной-то покойницы.

Пулеметчик стоял здесь же, держа у пояса свою машинку, готовую к стрельбе. Скалился мерзко и похотливо.

– Не подвело чутье старого пса, не подвело... – продолжал «благородие». – Похлебали ушицы у Ибрагимки, да и вернулись, – а тут ты, молодая и красивая. Придется на лошадке прокатиться с нами, красавица. А потом проезд отработать со всем прилежанием...

Алька бросился на него, метя в глаза растопыренными пальцами. Он не рассчитывал на победу, «благородие» был крупнее и сильнее, и даже без оружия и без помощи пулеметчика имел бы куда больше шансов. Но слишком уж неожиданно все рухнуло и рассыпалось, вся жизнь, все планы, и осталась лишь надежда – крохотная, маленькая, тень и призрак надежды: пока его будут убивать, Настена каким-то чудом успеет ускользнуть, скрыться в лесу...

Выстрел он не услышал. Мир полыхнул багровой вспышкой, раскололся на тысячу огненных кусков и исчез.

9. Мир без названия

Монстр напоминал громадного сухопутного осьминога, но напоминал лишь своим бесформенным студенистым телом и наличием щупальцев. Любое головоногое существо: хоть осьминог, хоть кальмар, да хоть и сам Великий Кракен – вне родной стихии окажется беспомощным, и победит его не враг, а собственный вес и отсутствие скелета.

Эта же буро-зеленая тварь передвигалась по суше очень быстро. Не переставляла ног, которых у нее не было, не ползла, не подтягивала себя щупальцами. Она скользила, наподобие быстро скользящей по стеклу капельки ртути.

Несколько мгновений – и псевдоосьминог оказался около подъемного моста замка. Штурм начался немедленно, без разведки, без предварительного нащупывания слабых мест в обороне. Огромная масса заполнила ров, ударилась о поднятый мост, стоящий вертикально и прикрывающий ворота. Щупальца атаковали разом со всех направлений: упругими живыми таранами били в стены, тянулись к бойницам, нависали над зубцами стен и рушились вниз.

На концах одних щупальцев распахнулись зубастые пасти, остервенело грызущие камень, железо и дерево. Другие истончались, их игольно-острые кончики втыкались, ввинчивались в малейшие трещинки и щелочки, просачивались внутрь замка, словно вода, проходящая через невидимые глазу отверстия в запруде. Часть щупальцев ушла в землю, подобно корням дерева, но и там, в глубине, продолжалась разрушительная работа: земля содрогалась, и дрожь ее передавалась стенам и башням.

Замок отбивался отчаянно. Огненные струи вырывались из бойниц надвратной башни и не просто обжигали – испепеляли, превращали в ничто атакующие щупальца, но тварь мгновенно отращивала новые. Оборону затрудняли последствия другого, недавнего штурма: пробитые в нескольких местах стены были наспех залатаны деревом, две угловые башни – почерневшие и выгоревшие внутри – никак не участвовали в отражении нового приступа.

Одна из двух толстенных цепей, удерживающих подъемный мост, не выдержала и лопнула, – он накренился, перекосясь. Чудовище усилило натиск. Казалось, еще несколько титанических усилий, – и мост рухнет, открыв путь к решетке, способной защитить от людей, но никак не от щупальцев, проникающих в любые отверстия.

В этот момент обороняющиеся перешли в контратаку. У подножия надвратной башни распахнулся хорошо замаскированный порт-батард, и наружу хлынул поток стремительных существ – напоминали они гигантских сороконожек или сколопендр, откованных из серебрищейся стали. Гигантами существа казались лишь в сравнении с обычными представителями своего семейства: вытянувшись вертикально, серебристая сколопендра дотянулась бы человеку как раз до горла. На фоне исполинского монстра размеры многоногих тварей выглядели ничтожными, но их количество и неукротимая ярость по меньшей мере уравнивали силы.

Многие сколопендры подвернулись под сокрушительные удары щупальцев и отлетели, искореженные и раздавленные. Многих спалили огненные струи. Но извергаемый замком сверкающий поток не слабел, твари вцеплялись, вгрызались в колоссальную тушу, в щупальца, терзали, отрывали куски плоти. Черная кровь псевдоспрута хлестала из многочисленных ран, но он, ни на что не обращая внимания, делал свое дело.

Лопнула вторая цепь, тяжеленный мост рухнул – не с грохотом, как должен бы рухнуть, но с сырым шлепком, – слишком много плоти, переплетенной в яростной схватке, оказалось на пути падения.

Защитники замка усилили натиск. Огненные струи били теперь без перерыва, сплошным потоком. С вершины донжона ударила в тело монстра ветвистая синяя молния, – и он, похоже, впервые в этой схватке получил удар если не смертельный, то достаточно чувствительный: бесформенная туша скорчилась в конвульсиях, щупальца хаотично заметались в воздухе...

Никто – ни атакующая сторона, ни обороняющаяся – не обратил внимания на одинокого воина в черных вороненых доспехах, подошедшего к замку с другой стороны. Так и было задумано. Между тем главная, смертельная для замка угроза надвигалась именно отсюда... Воин легким движением перепрыгнул ров, сделал несколько быстрых шагов вдоль каменной кладки. Осмотрел свежую заплату, кое-как прикрывавшую брешь в стене, удовлетворенно кивнул головой.

Этим воином был Апач.

...Когда идет виртуальная битва – взлом сложной компьютерной системы или схватка за контроль над ней с другим машинистом, – у ломщика нет времени и возможности разбираться со строчками машинных кодов, вдумчиво изучая противодействующие программы. Да и нужды в том нет: все это лучше и быстрее может сделать вирус. Но программа-агрессор, сколь угодно совершенная, неспособна на импровизации, на неожиданные ходы и решения, кажущиеся нелогичными, но ведущие к победе, короче говоря, неспособна на все то, что отличает человека от машины. В конечном счете виртуальный бой ведет человек, однако «противники» в том бою не выглядят как длинные последовательности цифр, букв и символов, – программа-вирус трансформирует их в нечто знакомое и быстро опознаваемое.

Визуальное воплощение процессов, происходящих в атакуемой сети, целиком зависит от личных вкусов ломщика, написавшего вирус. Апач предпочел вариант с замками и магическими чудовищами – скопировал антураж древней игры, любимой в детстве, но почти недоступной: мальчик по имени Збышек рос в небогатой семье и играть приходилось изредка, урывками, на чужих машинах...

...Черная кровь чудовища (мощного вируса, но призванного в основном отвлекать внимание и поглощать ресурсы атакуемой сети) оказалась ядовитой для сколопендр (антивирусных подпрограмм-чистильщиков), серебристые существа не гибли, но прекращали драку, двигались совершенно бессмысленно и хаотично, словно разом ослепли, оглохли и потеряли все прочие органы чувств. Иногда, натолкнувшись на что-то – на стену замка, на бок чудовища или на собственного собрата – пускали в ход жвала, но без прежней ярости, как будто сами не понимали, для чего и зачем это делают.

А вирус-монстр тем временем лишился почти всех своих щупальцев и отбросил их, как отбрасывает хвост ящерица. Отделившись от туши, щупальца не утратили способность двигаться и атаковать – втянулись сквозь решетку на внутренний двор замка, и схватка закипела там с новой силой.

Два взмаха меча – и в заплате, прикрывающей брешь в стене, открылся вход в виде Л-образной арки. Воин в вороненых доспехах шагнул в замок.

Ломщик Апач, пробившись через защитные программы и системы безопасности периферийных устройств, вошел в операционную систему крейсера «Истанбул».

10. Пираты Северного моря

Задача перед Олафом Абдельфаридом стояла более сложная, чем перед Геллуэем, и в то же время более простая. Он должен был отвлечь внимание от второго «Гепарда», принять на себя главный огонь, однако его действия никак не сковывала необходимость находиться в зоне прямой видимости с крейсера...

И швед выбрал для первой фазы боя среднюю дистанцию. Его «Гепард» маневрировал на полуторакилометровом расстоянии от крейсера, используя как защиту складки местности, время от времени выскакивая на вершины холмов, чтобы выпустить два-три снаряда из безоткатки.

По крейсеру Олаф не стрелял, выполняя приказ Геллуэя. Три первых снаряда подожгли ангар и вдребезги разнесли стоявшую неподалеку водометную установку (наверняка именно с ее помощью с «Истанбула» смыли толстый слой ила, покрывавший крейсер). Сам по себе водомет шведа не интересовал, но позади него укрылись несколько чужаков и азартно палили по второму «Гепарду» из личного стрелкового.

В ангаре, судя по всему, среди прочего хранилось немало топлива для «грязеходов», оно тут же полыхнуло жарко и чадно.

Вторая вылазка, второй залп, – и сами «грязеходы» превратились в металлолом, неспособный к самостоятельному передвижению. Конструкция у них оказалась любопытная: под днищем не колеса, не гусеницы, а два продольных цилиндрических баллона-поплавка с добрую цистерну объемом, – вокруг них спиралью завивался шнек, образуя некое подобие архимедова винта. Поплавки сообщали «грязеходу» положительную плавучесть, не позволяя погрузиться в воду или болотную топь, а вращаясь – заставляли двигаться вперед. В скорости и маневренности такая машина далеко уступала «Гепарду», но мощностью и грузоподъемностью превосходила, да и топлива наверняка сжигала в разы меньше. Абдельфарид расстрелял оригинальные аппараты без малейшего сожаления.

Во время третьей вылазки швед намеревался ударить по оторвавшейся корме крейсера, откуда тоже шла активная стрельба. Но вместо этого сам угодил под залп из реактивной установки. Три снаряда, оставляя за собой хвосты белого дыма, понеслись к «Гепарду», Абдельфарид резко ушел влево, выполнил стандартный противоракетный маневр, подсказанный «балалайкой», и тут же еще один – нестандартный, собственного изобретения, затем отстрелил два пиропатрона, призванные обмануть тепловые датчики УРСов.

Помогло лишь отчасти – один снаряд ударился в склон и взорвался, второй обманулся, сработал на пиропатроне, но третий после промаха вычертил в отдалении дымную петлю и вновь нацелился на «Гепард». Олаф дернул рычажок и над кабиной заработал «ревун». Швед в стрельбе участия не принимал – не дано человеческому глазу целиться в предметы, летящие с околосвуковыми скоростями. Оставалось лишь надеяться на автоматику и скороговоркой пробормотать самую короткую из молитв – вероятность сбить УРС из «ревуна» – приблизительно сорок процентов.

Молитва помогла, или теория вероятности оказалась благосклонна, – неизвестно, но УРС взорвался метрах в восьмидесяти, и хотя пара осколков все же в «Гепард» угодила, серьезных повреждений он не получил.

Уф... швед смахнул холодный пот, выступивший на лбу. Мерзкая штука эти корабельные УРСы – когда направлены на тебя... Небольшие, чуть больше метра длиной, и одинаково хорошо работают по любым мелким и увертливым целям: по наземным, по надводным, по низколетящим воздушным. Лет сто назад на боевых кораблях использовались лишь ПКР, противокорабельные ракеты, предназначенные для борьбы с крупными и хорошо бронированными целями. Но разгул берегового пиратства заставил довооружать крейсера, фрегаты и стороже-

вики «мухобойками», как прозвали УРСы моряки – тяжелые дальнобойные ракеты оказались бессильными перед легкими и скоростными пиратскими моторками... Однако повезло, что «Гепард» не превратился в прихлопнутую муху...

Бортовой компьютер докладывал о полученных повреждениях – ничего серьезного, можно отложить осмотр и ремонт на потом. А сейчас надо разобраться с расчетом установки, потому что второй раз может и не повезти.

Абдельфарид отстрелил дымовой патрон, на всякий случай решив продемонстрировать, что «Гепард» подбит и загорелся, – если в носовой части УРСа стояла видеокамера, противника этим не обманешь, но встречаются и безкамерные модели...

К «Истанбулу» он двигался по широкой дуге, скрытно, решив подойти под прикрытием кормы почти вплотную и расстрелять из пулемета всех, кто обнаружится на палубе, а затем высадить десант и выковырять тех, кто засел в надстройках, или по крайней мере в боевой рубке...

Высаживать десант не пришлось. И открывать огонь из «ревуна» Абдельфарид не стал. На крейсере и без его участия начались очень интересные события...

На «Истанбуле» взревели сирены. Взревели так, что Олаф испытал крайне болезненный акустический удар – хотя вдобавок к звукоизоляции «Гепарда» его уши прикрывали наушники. В помещениях же крейсера звук был попросту убийственным – в прямом смысле слова, без всяких преувеличений. Швед увидел, как из левого крыла мостика выскочили двое – один рухнул на палубу, скорчился, другой, ни на что вокруг не обращая внимания, сорвал шлем, зажал уши руками... Абдельфарид расстрелял обоих одной короткой очередью «ревуна».

Из отдраенных иллюминаторов спардека повалила пена, она расплзалась по палубе неаккуратными сугробами, – внутри явно сработала система пожаротушения. 37-миллиметровая автоматическая пушка, столь досаждавшая Геллуэю, неожиданно развернулась и почти в упор ударила по стрелкам, засевшим на оторванной корме крейсера.

У Апача все получилось! Системы «Истанбула» под его контролем!

11. Высшие сферы

– Господин генерал-полковник, на связи президент Моратти, – доложил адъютант. – Настаивает на срочном личном разговоре.

Генерал Кравцов, глава ОКР России, удивился. Он уже больше года не разговаривал с президентом СБА – не было необходимости. Да и желания не было.

Моратти уже не тот, что несколько лет назад, не всесильный руководитель всесильной спецслужбы. Одни Анклавы перестали существовать после Катаклизма, – например, Сингапур. Другие борются за выживание в изменившемся мире, отстаивая исключительно собственные интересы, и во многих из них службы безопасности признают главенство Моратти лишь номинально – как в давние времена два десятка де-факто независимых государств формально признавали верховную власть британской королевы. Мир стремительно катится под откос, и «Положение об Анклавах» давно превратилось в никчемную бумажку, никого ни к чему не обязывающую.

Конечно, сбрасывать Моратти со счетов рано. Многие серьезные люди сделали на него ставку и продолжают поддерживать даже сейчас. Силы и возможности у президента СБА не те, что раньше, но достаточно велики: служба безопасности Анклава Цюрих и еще нескольких европейских анклавов, мощная сеть осведомителей, агентов влияния и законспирированных боевых групп, раскинутых по всему миру...

– Соединить, – коротко приказал генерал.

– Защита по классу «альфа»? – спросил адъютант.

Таким тоном задают рутинные вопросы, подразумевающие лишь положительный ответ. Но генерал Кравцов, после короткой паузы, сказал:

– Нет, по классу «бета».

Так будет лучше. По уровню защиты от возможного прослушивания оба высших класса конфиденциальности примерно равны, но «альфа» предполагает, что ни один из собеседников не сможет записать разговор и впоследствии как-то использовать запись. Вернее, записать-то недолго, но это будет всего лишь разговор с виртуальной картинкой на экране, говорящей к тому же голосом, не принадлежащим далекому собеседнику, а синтезированным компьютером.

Имеет смысл сразу продемонстрировать Моратти: выслушать-то тебя выслушают, но все, что ты скажешь, может обернуться против тебя.

После обмена приветствиями президент заговорил подчеркнуто официально:

– Господин генерал, из агентурных источников мне стала известна важнейшая информация, поделиться которой с вами я считаю необходимым и безотлагательным.

– Внимательно слушаю, господин президент.

– Группа террористов неустановленной принадлежности захватила бесхозный ядерный арсенал и готовится к пуску ракет, – сказал Моратти, едва заметно выделив голосом два слова: «неустановленной» и «бесхозный». – Ядерный удар будет нанесен в самое ближайшее время, господин генерал. И цель находится на территории России.

Лицо генерала не дрогнуло, по крайней мере он надеялся, что не дрогнуло. Но пальцы лихорадочно забарабанили по клавиатуре, находящейся вне поля зрения собеседника: тревога-ноль, срочный сбор начальников служб и немедленная связь с главкомом ПРО.

– Россия велика, – сказал генерал. – У вас есть конкретные данные об объекте удара?

Обращение «господин президент» Кравцов отбросил, каждая секунда на счету. Куда полетят ракеты? Сеть противоракетной обороны находится в плачевном состоянии, более или менее надежно прикрыта лишь столица... А Россия и в самом деле велика – даже с учетом того, что возникновение мятежной Сибирской республики вдвое уменьшило площадь подконтрольных Петербургу территорий.

– Такие данные есть, господин генерал, – произнес Моратти по-прежнему неторопливо и размеренно. – Но абсолютно непроверенные, как вы понимаете.

«Да говори же скорей, сучий выродок!» – хотелось рявкнуть генералу. Но он сдержался. На боковом экране замигал бесшумный сигнал вызова – связь с ЦКП противоракетчиков установлена, главком на линии. Кравцов потянулся к сенсорной клавише – включить односторонний режим, пусть генерал Стригалов, командующий ПРО России, получит информацию из первых рук.

– Удар нацелен на испытательный полигон номер тринадцать «Науком», – сказал Моратти, и палец генерала замер, не дотянувшись до клавиши. – Проще говоря, на Станцию.

Это меняло многое. Это меняло все, черт побери!

– Откуда полетят ракеты, вам известно? – спросил Кравцов уже без прежнего нетерпения.

– Предполагаемый район пуска – Северное море. Точные координаты сейчас устанавливаются.

– «Ошоси» или «Иstanbul»?

Других вариантов не было, лишь эти бесхозные ядерные арсеналы могли обнаружиться в Северном море. Причем «Ошоси» – это очень серьезно. На вооружении стратегического подводного ракетносца вудуистов числились баллистические ракеты с десятью разделяющимися боеголовками, по пятьдесят мегатонн каждая.

– «Иstanbul».

– Тактические ракеты... – протянул генерал. Точные характеристики вооружения исчезнувшего крейсера он не помнил.

– Да. Максимум, чего можно ожидать – залпа восемью ракетами средней дальности по десять килотонн каждая. Времени на подготовку ко второму залпу у террористов уже не будет. Скорее всего, не будет. А вероятность третьего залпа попросту нулевая.

– Вы предупредили Эльскандию? Ракеты полетят через их территорию.

– Конечно. Но остановить их полет скандинавам нечем. Вся надежда на вас, господин генерал. Попытайтесь перехватить ракеты. Я имею представление, в каком состоянии противоракетный щит России на северном направлении. Поэтому говорю: хотя бы попытайтесь их сбить.

«Отчего бы тебе не сказать прямо: всего лишь попытайтесь, но не сбивайте?» – подумал генерал.

– Когда террористы нанесут удар?

Правильнее было бы спросить: когда вы ударите по Станции, господин президент?

– Точный час «Ч» мне неизвестен. Но удар можно ожидать в самое ближайшее время, господин генерал. В самое ближайшее.

Все понятно... Серьезные люди решили попробовать на прочность окруживший Станцию пузырь силового поля непонятной природы. Попытка не рассчитана на использование самого мощного вооружения, способного испепелять многомиллионные города – разведка боем, прощупывание тактическими зарядами. Террористы – миф, прикрытия для истинных организаторов операции, ни к чему нормальным террористам наносить ядерные удары без попытки шантажа, без выдвижения ультиматумов и требований...

Даже если за спиной анонимных террористов стоял не Моратти, а кто-то иной, то наверняка президент СБА контролировал каждый их шаг с помощью внедренной агентуры. И наверняка выступил со своим предупреждением в самый последний момент. Перебрасывать на север мобильные комплексы ПРО смысла нет... Хотя отдать такой приказ придется. У Москвы, когда придет время разбирать причины инцидента, не должно быть поводов для претензий к России.

– Благодарю, господин президент, за ваше предупреждение, – церемонно произнес Кравцов. – Необходимые меры будут приняты незамедлительно.

– Рад, господин генерал, что вы с надлежащей серьезностью отнеслись к моим словам. Но, как вам известно, агентурные сведения не всегда подтверждаются. Вполне вероятно, что не подтвердится и это сообщение.

Еще один посыл почти открытым текстом: особо не старайтесь совершить невозможное.

Собеседники распрощались. Кравцов немедленно соединился с главкомом ПРО, но говорил с ним нарочито неторопливо. Сообщил о полученном предупреждении, сделав акцент на невозможность как-либо проверить источник, затем долго и подробно перечислял необходимые меры...

А в далеком Цюрихе Ник Моратти удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Все, что надо сделать, сделано. Остались мелочи, детали, последние штрихи, которыми занимаются люди, понятия не имеющие, на кого работают в действительности. Один из таких штрихов – информация о появлении новой террористической организации, немногочисленной и дерзкой, объявившей своей главной задачей отомстить «Науком» за последствия Катаклизма. Группа, понятно, останется виртуальной, существующей лишь в виде манифестов и деклараций, размещенных в уцелевших остатках Сети, а все «террористы» погибнут во время накрывшего «Иstanbul» сокрушительного удара исламистов.

Час «Ч» президент СБА конечно же знал. Хотя правильнее уже вести обратный отсчет на минуты. Пятьдесят минут – и в воздух поднимутся восемь извергающих дым и пламя подарков для Кауфмана. Бывает и так: стреляя по Станции, Моратти целился в Москву и в своего заклятого врага. Без Станции долго не протянет и Москва, слишком много ресурсов, людских и материальных, Анклав вложил в полигон № 13.

Конечно, не факт, что защиту Станции удастся вскрыть. Но окружающая инфраструктура пострадает серьезно. И многочисленные, переполненные людьми лагеря-фильтры, окружившие зону «Науком». Люди добираются туда всевозможными путями, легальными и нелегальными, не только со всей России – со всей Европы, из государств и даже из Анклавов. Процесс необходимо остановить, Европа и без того не оправилась от вызванных Катаклизмом людских потерь, – и ядерная бойня на Кольском полуострове поубавит прыти у желающих сбежать в мифические обетованные миры...

Просчитаны все последствия, все варианты развития событий, для любой неожиданности спланированы ответные меры... Сделано всё и остается только ждать. Всего лишь сорок восемь минут... Целых сорок восемь...

Моратти просчитал все, но не мог предвидеть, что в игру вмешается отморозок по имени Геллуэй, давно считавший «Иstanbul» своей законной добычей.

12. Мир без названия – 2

Воин в вороненых доспехах шагал по двору замка.

Шагал без опаски – битва закончилась, и замок сам теперь добивал своих уцелевших защитников, превратившись для них из убежища в ловушку. Выскакивающие из стен решетки превращали помещения и коридоры в тюремные камеры, но долгое заключение узникам не грозило – на них рушились своды, полы под ногами разверзались бездонными провалами, в стенах открывались секретные ходы, и из них лезли хищные плотоядные твари...

Жив или нет враждебный маг (или, если угодно, враждебный машинист) – совершенно не волновало Апача. Скорее всего, погиб: донжон замка (он же центральный командный пост «Истанбула») заполнен сейчас отнюдь не воздухом – инертным газом. Постаралась система пожаротушения, запущенная Апачем. Но если главный враг все-таки жив, если предусмотрено запаса автономным дыхательным прибором, то бьется сейчас в бессильной ярости головой о стены: все его заклинания утратили силу, вся аппаратура превратилась в груды мертвого железа...

На брусчатке двора извивалось странное существо, напоминающее земляного червя, отравившего себе большую зубастую пасть и вымахавшего до размеров анаконды. Хвост червя-анаконды исчезал в ее пасти, существо заглатывало, пожирало само себя, но не уменьшалось, постоянно отрачивая все новые и новые кольцевидные сегменты тела.

Одна из антивирусных программ «Истанбула», понял Апач. Прикончил ее маг, замурованный ныне в ЦКП крейсера, и прикончил довольно оригинальным способом, но изучать его методы нет времени. Покалывание в предплечье становилось все ощутимее – «ежик» отправлял в кровь новые порции синдина. Как только концентрация наркотика в крови приблизится к критическому уровню, придется покинуть виртуальный мир. А здесь необходимо выполнить еще одно очень важное дело. Во дворе все явственнее ощущался запах гари – тянулся откуда-то снизу, из подвальных отдушин. Апач знал, в чем причина: в подземном хранилище огонь подбирается к кладовой огненного зелья, к тридцати двум просмоленным бочонкам с порохом. Иначе говоря, противник, уже теряя контроль над сетью «Истанбула», успел-таки активизировать программу самоуничтожения боеголовок.

Не беда, в реальном времени до взрыва пройдет тридцать минут – огромный срок по меркам виртуального мира. Можно при желании разобрать замок по камушку, а уж на то, чтобы найти и ликвидировать пожар, времени хватит с избытком.

Апач не ошибся и не переоценил свои силы. Круто спускающаяся лестница, коридор с низкими кирпичными сводами – и вот он, зал, заваленный каким-то хламом, теперь весело пылающим. На другом конце помещения дверь – низкая, дубовая, с мощной металлической оковкой. Замочная скважина – судя по ее размерам, чтобы исполнять в замке должность ключника, требовались незаурядные физические данные.

А из скважины торчало нечто вроде толстой веревки – фитиль, надо полагать. Пламя к нему еще не приблизилось, можно не торопясь выбрать наилучший вариант: погасить ли огонь, или воздвигнуть на его пути несгораемую преграду, или пройти сквозь зал, понадеявшись на жаропрочность вороненых доспехов, и выдернуть фитиль из скважины...

Ничего решить Апач не успел.

Страшный удар обрушился на затылок. Замок пошел трещинами, рассыпался на куски, сгинул в непроглядной черноте. Мир исчез. Апача тоже не стало.

13. Пираты Северного моря – 2

Подавить остаточное сопротивление стало задачей для детского сада. Три или четыре человека продолжали стрелять – скорее от отчаяния, уже понимая, что никакого вреда их пули «Гепардам» не причиняют. Абдельфарид накрыл две огневые точки выстрелами из безоткатки, одну заставил замолчать Геллуэй.

Кто-то попытался сбежать – «грязеходами» здешний парк машин не исчерпывался, у чужаков в придачу к ним имелась двухместная «водомерка»: легкий скоростной аппарат, способный скользить хоть по воде, хоть по льду, хоть по грязи. Малая грузоподъемность позволяла использовать такой аппарат лишь для разведки. Или для бегства... Но далеко «водомерка» на своих тонких лапках не убежала – Олаф подбил ее первой же очередью из «ревуна», а потом всадил еще две в рухнувшую машину. После взрыва аккумуляторов никто из пассажиров «водомерки» не имел ни единого шанса выжить.

Ожила «балалайка» шведа:

– У меня проблемы. – В голосе Геллуэя ощущалась тревога, впрочем, не слишком сильная. – Подъезжай поближе, нужна помощь.

Олаф подъехал. «Гепард» командира двигался медленно, с сильным креном на борт, и швед понял, что из четырех нагнетателей, подающих воздух под «юбку», работают только три.

Не беда, запчастей в достатке, а с матчастью Абдельфарид был на «ты». Он откинул верхний люк, начал вылезать наружу... – и тут же спрыгнул обратно.

Хорошая реакция спасла жизнь Олафу. Очередь из «ревуна» прошла впритирку с макушкой, наполнив металлом и смертью то место, где только что находился торс высунувшегося из люка шведа.

«Совсем спятил, жадный ишак!» – подумал он, бросаясь к креслу водителя.

Мысль относилась к Геллуэю. Олаф подозревал, что когда дело дойдет до дележки, команда может весьма поредеть. Допускал, что и его Геллуэй попытается вычеркнуть из списка претендентов на главный приз, – и принял на сей случай кое-какие меры. Но чтобы так рано начать пальбу по своим... до того, как боеголовки демонтированы и погружены... точно спятил.

В рукав вцепился Валет, что-то прокричал, широко разевая рот. Абдельфарид не услышал – в ушах звенело после грохота очереди, – он оттолкнул Валета, не глядя, ладонью, ударил по клавише пуска и...

Вторая очередь. В упор, по кабине, по десантному отсеку. «Гепарды» стояли рядом, борт к борту, словно боксеры в клинче, и теоретически каждый попадал в мертвую, не простреливаемую зону другого, но Геллуэй недаром накренил свою машину, имитируя неисправность – теперь он мог расстреливать второй «Гепард» безнаказанно, не опасаясь ответного огня. Мог – и расстрелял.

Титанопластовый корпус «Гепарда» неплохо защищал от обычных пуль и небольших осколков, но одиннадцатимиллиметровые пули «ревуна» недаром многие называют снарядами – по кумулятивному действию они и в самом деле не уступают пушечным снарядам двадцатого века. Смерч из раскаленного металла прогулялся внутри обреченной машины – справа налево, потом обратно, потом еще раз, еще... Обшивка стремительно превращалась в дуршлаг. Пули разносили аппаратуру, разрывали на куски людские тела. Бронежилеты не спасали, да и «саранча» не могла защитить на таком расстоянии. Никто из шестерых не успел ничего предпринять. Даже понять, что происходит, никто, кроме Олафа, не успел...

А шведу казалось, что он запустил двигатель, что сейчас отъедет под прикрытием дымовой завесы и поучит жизни жадного ублюдка... Пальцы Абдельфарида цеплялись за

рычаг, пытались сдвинуть его на «полный вперед», но лишь бессильно скользили по рубчатой рукояти, оставляя кровавые пятна.

Потом рука упала на пульт, пальцы дернулись последний раз и замерли. Олаф умер.

14. Добро пожаловать в реальный мир

В затылок ему с размаху воткнули заржавленный лом, пару раз провернули и выдернули, а затем для полноты ощущений залили в образовавшееся отверстие расплавленный свинец...

На самом деле все произошло проще – в разгар работы «балалайку» грубо выдрали из разъема, и Апач это прекрасно понимал.

Нанозкраны, имплантированные в сетчатку, погасли, Апач стал слеп. Открывать глаза и познавать мир древним способом, данным не то природой, не то богом, совершенно не хотелось... Хотелось вернуться туда, во двор замка, на поле выигранной битвы, еще раз взглянуть на трупы поверженных врагов и...

Проклятье! Фитиль! Боеголовки!

Апач рывком поднял веки.

– Очухался, земноводное? Добро пожаловать в реальный мир, у нас тут весело.

Ломщик не понял, кто обратился к нему на правильном английском, совершенно не похожем на тот гибрид датского, английского и арабского, что использовался для общения в команде Геллуэя.

Мелькнула мысль, что английские слова вырываются из широко распахнутого рта Фигаро. Но тот уже не был способен к разговорам – трудно говорить, когда во лбу красуется пулевое отверстие, а содержимое черепной коробки огромной мерзкой кляксой расплзлось по подголовнику и спинке кресла...

Чужаки подбили «Гепард» и ворвались внутрь машины?

Апач повел взглядом по сторонам. Труп, еще труп... Из десантного отсека торчали ноги в высоких ботинках и камуфляжных брюках, не стоило гадать, жив ли их обладатель... В «Гепарде» остро пахло сгоревшим порохом.

Гораздо больше, чем вид свежестреленных мертвецов, Апача потряс еще один «труп», лежавший на консоли, – раскуроченный, вдребезги разбитый чем-то тяжелым «раллер». Ломщик смотрел на него, как смотрит отец на тело умершего сына, смотрел, позабыв обо всем...

– Как видишь, у нас незапланированные потери, – глумливо произнес тот же голос. – Только мы с тобой и уцелели.

Апач попытался повернуть голову и не смог. Оттолкнулся от пола ногой, повернулся вместе с вращающимся креслом и увидел – к нему обращался Геллуэй.

Что за ерунда... на нормальном английском этот отморозок не говорил... или скрывал?..

Секунду спустя лингвистическая загадка перестала волновать Апача. Владел Геллуэй английским или нет, стало не важным. Главное, что он владел «дыроделом» изрядного калибра, и ствол был направлен прямиком на ломщика. Чужаки сюда не врывались, понял Апач. Всех убил Геллуэй. Из этой вот самой пушки.

– Ребята умерли быстро, – сказал Геллуэй. – Они заслужили... А ты – нет. В детстве я ловил тритонов, надувал их через соломинку и бросал обратно в пруд. Смешно было смотреть, как барахтаются они, пытаются нырнуть и тут же всплывают обратно, и вид у них глупый-глупый... Такой же, как сейчас у тебя.

Подвижность возвращалась, Апач попробовал повернуть голову, получилось, поглядел на руку – предплечье болело все сильнее. Так и есть, «ежик» сорван со своего места, ранки саднят и кровоточат... Но других повреждений вроде бы нет. А значит, можно сыграть с Геллуэем в свою игру. Выложить на стол самый старший козырь в колоде.

Времени оставалось мало, и ломщик решил обойтись без вводных слов:

– Боеголовки в режиме самоуничтожения. До взрыва меньше получаса. Чтобы остановить процесс отсюда, – Апач кивнул на бортовой процессор «Гепарда», – мне потребуется пять минут. Но сначала предлагаю обсудить проблему гарантий.

– Вот моя гарантия, – помахал «дыроделом» Геллуэй. – Голову тебе разнесет гарантированно.

Не поверил... Принял за блеф...

– Ты не понял, идиот?! Все взорвется к чертям! Твои деньги опять сгорят, а ты, даже если врубишь сейчас полный газ, все равно скоро сдохнешь от лучевки!

– Вот беда... Не шуми так, земноводное. Я все знаю. До взрыва двадцать семь минут и сорок две секунды. Сорок одна... Сорок...

Геллуэй проделал несколько манипуляций с кнопками пульта, и на второй экран стала выводиться та же информация, что он видел на своем, командирском...

Диспетчер задач главного компьютера «Истанбула». Строки быстро мелькали, но поверх них светилась ярко-красная иконка с цифрами обратного отсчета.

Апач ничего не понял. Ровным счетом ничего... Зайти отсюда в диспетчер задач – не самая сложная техническая проблема, но только не для Геллуэя, всегда относившегося и к компьютерам, и к программам с какой-то подчеркнутой, демонстративной брезгливостью...

Или все это было маской? Наряду с незнанием английского?

– Отключить самоуничтожение ты не сможешь, – произнес Апач с уверенностью, хотя не был уже уверен ни в чем. – Надо влезать в машинные коды. Так что предлагаю договориться. А для начала отдай мне свою пушку.

– У меня есть встречное предложение. Вот какое!

«Дыродел» дважды оглушительно грохнул. Апач съехал в кресле, удивляясь, что ему до сих пор не больно. Но пули полетели не в него, обе ударили в процессор, снятый со спасательной капсулы «Истанбула». Внутри изуродованного корпуса проскакивали искры, пахло горелой изоляцией. Оба экрана светились мертвыми синими пятнами. Связь с сетью крейсера утратилась, и никакой технический гений не смог бы восстановить ее за оставшееся до взрыва время...

Геллуэй удовлетворенно оглядел останки процессора и сказал:

– Так вот, предложение... Попробуй добраться до «Истанбула» и там разобраться с машинными кодами. Если повезет, успеешь. Не повезет – будет что рассказать на Страшном суде, не каждому довелось побывать в эпицентре ядерного взрыва.

Геллуэй окончательно спятил – других версий происходящего у ломщика уже не осталось, но и эта казалась весьма шаткой. Больно уж странные симптомы: знание английского и навыки системного машиниста еще полбеды, но полное безразличие к деньгам, к большим деньгам, способным обеспечить на всю жизнь? Это у Геллуэя-то, без сомнений и терзаний убивавшего за лишнюю тысячу динаров? Проще было поверить, что у отморозка имелся тщательно скрываемый брат-близнец, воспитанный совсем в иных принципах. Прятался всю дорогу в грузовом отсеке, а теперь вот выскочил и начал убивать...

Геллуэй, не обращая больше внимания на ломщика, вынул из пульта чип, активизирующий ходовые и боевые системы «Гепарда», засунул его в нагрудный карман, начал вылезать в верхний люк... Апач понял, что добираться до «Истанбула» ему придется на своих двоих. Но всё равно шансы неплохие. Среди вещей ломщика лежал вспомогательный комп – простенький, на одном «поплавке», но если подключить его к какой-нибудь периферийной системе крейсера... Апач начал расстегивать ремни, фиксировавшие его в кресле.

– Совсем забыл, – жизнерадостно сказал Геллуэй, возвращаясь. – Стартовое условие нашей игры – минус пятьдесят к способности передвигаться.

Он быстро вскинул «дыродел», выстрелил и снова полез наверх.

Боль была адская, лишь оставшийся в крови наркотик не позволил Апачу потерять сознание от болевого шока. Нога чуть выше колена превратилась в мешанину из окровавленной плоти, наружу торчали белые обломки костей. Кровь хлынула пару мгновений спустя, хлынула обильно, будто из перерубленного шланга.

Можно было попытаться хоть что-то сделать. Наложить жгут, например, и заживо сгореть во время безнадежной попытки поползти до «Истанбула». Вместо этого Апач с размаху ударился головой о переборку, отделявшую десантный отсек от кабины. Затем еще раз, сильнее. Потерять сознание, уйти из дикого кошмара в реальный мир поверженных чудовищ и пылающих замков...

Тонкая переборка сотрясалась, из разбитой головы ломщика струилась кровь, перед глазами плыли огненные круги... Сознание он потерял лишь десять минут спустя, обессилив от кровопотери.

15. Крестовый поход Робинзона

Голова буквально раскалывалась от боли, и Алька понял, что жив, у мертвых головы не болят... Никакой радости осознание этого факта не доставило.

Он открыл глаза и увидел зеленевшую совсем рядом свежую майскую травку и желтый цветок мать-и-мачехи. Над цветком жужжал крупный шмель, пытался пристроиться на венчике, но тонкий стебелек сгибался под весом насекомого, и ему никак не удавалось удержаться. Алька наблюдал за попытками шмеля самым внимательным образом, словно ничего важнее в мире не осталось. Вспоминать все случившееся совершенно не хотелось. Просто лежать, просто смотреть на траву, на шмеля...

Раздосадованный шмель улетел. Алька машинально проводил его взглядом, чуть повернув голову, и застонал – простейшее движение оказалось крайне болезненным.

Где-то рядом встревоженно заукукала Анжела...

Подняться на ноги Алька смог лишь под вечер. Все тело ломило, ноги подкашивались, голова отзывалась на каждый шаг, на любое движение тягучей болью... Он уже понял, что «благородие» не стал стрелять, приложил чуть выше виска рукоятью «дыродела». Едва ли пожалел, скорее просто не хотел лишать барона рабочих рук, учтенных и переписанных.

Деду Матвею досталось куда сильнее от кулаков и подкованных сапог подчиненных «благородия». Могли и насмерть запинать, войдя во вкус, но вернувшийся начальник прекратил экзекуцию.

Однако деду и без того хватило... Лежал под навесом, встать не мог, надрывно кашлял, прижимая ко рту тряпицу. На тряпице оставались кровавые пятнышки. Ребра сломаны или по меньшей мере треснули... Наверное, дед смог бы отлежаться, поправиться, но Альку поразило его взгляд – потухший, мертвый. С таким взглядом на поправку не идут. Таким взглядом смотрят туда, за край нашей жизни...

Пошатываясь, Алька побрел к тайнику. Вдруг пустой? У «благородия» нюх прямо-таки собачий, ожидать всего можно... Раздвинул кусты у дальнего фундамента, засовывал руку в открывшееся узкое отверстие медленно, осторожно – на тот случай, если норку приглядела для жилья какая-нибудь зверушка с острыми зубами, а то и змея.

Ни зверушка, ни змея на пальцы не покусились, зато ружье оказалось на месте, Алька нащупал ствол сквозь несколько слоев пленки и промасленных тряпок. Доставать не стал, вернулся к деду.

К вечеру похолодало, и Матвей с помощью Анжелы кое-как перебрался в хибарку, на лежанку.

– Дашь ружье? – сказал Алька с порога.

А для себя уже решил: если не даст, взять без разрешения. Но сначала лучше все-таки спросить, а то не по-людски получается, словно у «благородия» и его подручных.

Старик молчал. Дышал тяжело – на выдохе раздавался еле слышный, но неприятный свистящий звук, завершавшийся каким-то побулькиванием.

– Уходишь? – заговорил наконец дед Матвей.

– Да.

– К замку, сталбыть?

– Да.

Он намеренно отвечал коротко, односложно. Ничего объяснять не хотелось. И слушать, как его будут сейчас переубеждать, не хотелось. Алька и без того знал, что затеял дело дурное, глупое. Не просто смерть грозящее... Оно само смерть и есть в самом натуральном виде. Ну так и не отговаривайте! Потому как жить все равно незачем...

Но дед, похоже, очень хорошо все понял. Отговаривать не стал. Долго молчал, посвистывая-побулькивая. Потом заговорил – коротенькими фразами, после которых делал долгие паузы, иначе не получалось, начинал кашлять.

– Иди... И ружье бери... Патронов еще десяток... Кроме тех, что в тайнике... В хлеву, под крышей... Слева, сталбыть... Хорошие, с черным порохом... Не подведут... Анжелке скажи... Чтоб картошь сварила... Семенную, что уж теперь... И сырой возьми... Сколько снесешь... Я ведь эту картошь... Всю жизнь растил... В агрофирме... Для верхолазов сучьих... В ресторанах жрали... С парной телятиной... Настоящей, не соевой... Думал, хоть под конец... Для себя... Не судьба, сталбыть... Но барону подделанному... Растить не буду...

Он замолчал и все-таки раскашлялся, прижал тряпку ко рту. Алька стоял и не знал, что сказать.

– Иди, – махнул рукой дед, прокашлявшись. – Если вдруг... Жить останешься... Анжелку пристрой, не забудь... Сгинет здесь... Иди!

– Прощай... – сказал Алька.

Так говорят покойнику над свежей могилой.

– Прощай и ты... Иди, время дорого.

Час спустя Алька покинул деревушку, название которой узнать так и не довелось. Пошагал тропинкой, ведущей к Ибрагиму. Поклада не тяготила – ружье, патроны, нож, спички и горстка соли в тряпице... Да еще два десятка семенных картофелин, сырых. Что он успеет их испечь и съесть, Алька сильно сомневался.

16. Последний кладоискатель

Человек, совсем недавно бывший Геллуэем, стоял на вершине холма. В «дыроделе» остались два патрона, но он решил досмотреть спектакль до конца.

Мысли, воспоминания, навыки и умения прежнего Геллуэя никуда не подевались, но многое нынешнему, обновленному Геллуэю казалось смешным и странным. Глупая погоня за деньгами, непонятное желание тащить куда-то боеголовки, которые можно прекраснейшим образом взорвать прямо здесь... Красивое будет зрелище, наверняка красивее, чем на всех кадрах хроники, что доводилось видеть...

Он стоял на скальном обломке, покрытом ракушечником, – расставив ноги, скрестив руки на груди, – словно памятник самому себе, Геллуэю-Разрушителю. Неотрывно смотрел на крейсер, боясь пропустить самый первый момент, самое начало превращения стальной громадины в испепеляющую плазму.

Когда таймер на наноэкране в уголке глаза отсчитывал самые последние секунды, Геллуэй вдруг усомнился: что-то не так, что-то неправильное с ним происходит... А потом крейсер мгновенно превратился в огромную яростную вспышку. Она заполнила весь мир и выжгла глаза Геллуэя. Он, уже слепой, шагнул – или ему показалось, что шагнул – вперед, к огненным воротам, наверняка ведущим в неведомые и чудесные миры...

Испепеляющее пламя сожгло Геллуэя и покатилося дальше...

Часть вторая

Генерал и его солдаты

1. Кто ходит в гости по утрам...

Едва «вертушка» вынырнула из облаков, Альберт Нарута (для своих – Алька), рядовой роты «Гамма-7», привстал и попытался осторожно заглянуть в иллюминатор над плечом сержанта Багирова, более известного под коротким прозвищем Баг, – тот понимающе хмыкнул, слегка отодвинулся. Первый раз парень в воздух поднялся, горючка нынче на вес золота ценится, шестимесячный курс подготовки десантников учебных вылетов не предусматривает, лишь тренировки на земле да обучение на программах-симуляторах, закачанных в «балалайки»... А стартовали сегодня ночью, рассвет встретили в облаках, – ну как же тут салаге удержаться, не взглянуть сверху на землю-матушку?

Земля-матушка, если честно, взгляд порадовать не могла. Внизу раскинулась Печора, столица никем не признанной одноименной республики. Вернее, то, что от столицы осталось: руины промзон, просто зон и жилых кварталов... Руины относительно старые, не восстановленные после Толчка. Руины новые, появившиеся этой ночью, обглоданные огнем и кое-где еще дымящиеся... Виднелось несколько темных пятен – следы вакуумных бомб, и там ничего не горело. Хорошо штурмовая авиация отработала, не поскупилось начальство ни на горючку, ни на бомбы и ракеты...

Была столица непризнанной республики – и, считай, нету. Теперь и признавать-то нечего... Сержанта этот факт более чем устраивал. Алька же просто глазел с высоты на развалины, впервые почувствовав, что и в самом деле *летит*.

– ГАММА-СЕМЬ, ПОЛНАЯ ГОТОВНОСТЬ!

Голос Мангуста взорвался в голове Альки грохотом горного обвала. «Балалайка» парню досталась далеко не новая, юзая и перепрошитая, и калибровка звука безбожно сбоила. Постоянно приходилось бегать к технарям, те колдовали над приборчиком, день-два он работал нормально, а затем снова начинал орать так, что хоть святых выноси. Знал бы Алька о вылете заранее, сходил бы вчера в техроту, да кто же о таких делах заранее предупреждает... Зато, нет худа без добра, ни один приказ мимо ушей не пропустит. Облажаться на первой своей боевой операции Альке очень не хотелось.

Десантники натягивали шлемы, последний раз проверяли амуницию и оружие. Бортовой люк справа от Альки распахнулся, внутрь рванулся холодный ветер. «Ревун» выставил хищное дуло наружу, сержант приник к пулемету. Рядом второй номер пулеметного расчета – готов заправить новую ленту или пристыковать новый баллончик с азотом к системе охлаждения стволов.

Все по штатному расписанию, все как на тренировках... И все не так. Даже не в пронизывающем холодном ветре дело, и не в вибрации, и не в грохоте ротора над головой. Не было и не могло быть при наземных тренингах этого тревожного чувства, заставляющего кровь быстрее бежать по жилам: сейчас начнется, сейчас начнется, сейчас начнется...

И тут *началось*.

«Вертушку» тряхнуло, неслабо так дернулась многотонная машина, у Альки аж зубы клацнули. С крохотным запозданием донесся грохот взрыва, ударил по ушам. Не все обитатели стольного града погибли при бомбардировке или ушли в лесотундру после ее окончания. Кто-то остался, и сохранил оружие, и салютовал сейчас долгожданным гостям, наконец-то пожаловавшим... Сепаратисты, в просторечии сепы, конечно же, не надеялись, что Федерация сми-

рится с их уходом, – готовились как могли к неизбежному «восстановлению территориальной целостности», распотрошили все доступные арсеналы севера, провели мобилизацию, крепили ПВО и наземную оборону, – и все оборонительные узлы их столицы одна атака с воздуха не смогла уничтожить.

Звуковой удар как-то странно растянулся во времени, Алька не сразу сообразил, что взрыв давно отгремел, а сейчас рядом работает «ревун». А когда он работает, прочие звуки из мира куда-то исчезают.

Сержанта трясло, словно он вцепился не в гашетки пулемета, а в высоковольтные контакты. Гильзы сыпались в гильзосборник со звоном, о котором можно было лишь догадаться. «Вертушка» наполнялась едким запахом сгоревшего пороха, ладно хоть выдувало его очень быстро.

Давай, сержант! Вмажь им, объясни засранцам, как нехорошо сгребать под себя остатки нефти, когда вся страна замерзает и голодает. И заодно вразуми, кто прилетел к ним в гости, – ну как не слышали о «манулах», о дивизии ДОН-3?! Покажи им небо в алмазах! Кажется, Алька прокричал это вслух, не опасаясь, что кто-нибудь услышит.

Вертолет пару раз качнуло, не так, как только что, более плавно, – пилот пальнул главным калибром. Звук сорвавшихся с пилонов ракет тоже никто не услышал. Куда они устремились, к какой цели, Алька не знал. Впрочем, не его это дело. Задача десантников проста – выбраться побыстрее из «Иволги» и надрать задницы тем гадам, что пытались сжечь их на подлете.

Перед загрузкой в «вертушки», на информации, объяснили все четко и ясно: мирных жителей тут нет, все граждане «республики», кто не угодил под мобилизацию, приписаны к отрядам самообороны, у всех дома стволы, – дашь слабинку, живо отблагодарят за гуманность выстрелом в спину. Другое дело, что много тут и неграждан, живущих по сути на рабском положении, тех при возможности трогать не надо... Да кто же в горячке боя бумажку с гражданством спрашивать будет? Правильно сержант после информации сказал: «Гасите всё, что движется, после разберемся, кто тут сеп, а кто мимо гулял...»

Приземлились неудачно. Точнее, сели-то нормально – пилоты отыскивали среди развалин ровный забетонированный пяточок, бросили винтокрылую машину в крутое пике, едва-едва погасив скорость у самой земли. Не слишком комфортно для десантников, зато безопасно. Но едва в «балалайке» Альки прогрехотал приказ о высадке, под правой лыжей вертолета что-то хрустнуло, а может, и сама она подломилась, поврежденная осколками зенитных ракет. В общем, «вертушка» накренилась, и весьма основательно.

Правый люк, из которого недавно вел огонь сержант, навис над землей, чуть не уткнувшись стволами «ревуна» в серые, потрескавшиеся бетонные плиты, а в левый, противоположный, видно было лишь затянутое низкой облачностью небо. Днище десантного отсека изображало крутую горку, хоть на санках катайся. Санок у «манулов» не было, покатались без них – на Альку и на тех, кто сидел по правому борту.

Возню, неразбериху и матерные пожелания в адрес пилотов прекратил командный рык сержанта:

– Па-а-ашли!

Короткое замешательство – в штатном режиме их взвод должен был высаживаться из переднего левого люка – сержант пресек на корню без лишних слов: пихнул ближайшего десантника к огневому люку и пинком ускорил процесс осмысления изменившейся обстановки. Боец кое-как протиснулся мимо пулемета, спрыгнул.

Этот неловкий прыжок означал, что для роты «Гамма-7» Третьей дивизии особого назначения ОКР Российской Федерации началась наземная фаза операции «Парма».

– Пшел, пшел!

Тройки одна за другой покидали вертолет – чуть медленнее, чем на учениях, но все же быстро и четко. Второй взвод высаживался с кормы, им повезло больше – задний десантный люк расположен справа и протискиваться мимо пулеметной турели не приходилось.

Когда подошел черед прыгать Альке, он вдруг испугался: сейчас ведь непременно зацепится ремнем или еще чем за выступающую деталь «ревуна», повиснет, нелепо дергаясь и задерживая остальных... Обошлось.

Спрыгнул, огляделся – и только сейчас понял: их приземление не заслуживало называться таким словом, «вертушка» опустилась на плоскую крышу какого-то низкого, приземистого здания. Большая крыша, в длину метров сто, не меньше, в ширину примерно пятьдесят, хоть в футбол играй, только за улетевшим мячиком долго бегать придется... Кое-где на бетоне виднелись следы разметки, уничтоженной дождями и непогодой, – в точности похожей на ту, что «манулам» приходилось регулярно подновлять на вертолетной площадке их родной части. Похоже, эта крыша и в самом деле некогда использовалась для посадки винтокрылых машин, но куда более легких, чем «Иволга». Лыжа тяжелой десантной «вертушки» продавила одну из плит, и та теперь не лежала – стояла наклонно, открывая узкий лаз куда-то вниз, в темноту.

Парни из ПВО мятежников недаром получали свой паек. И денежное содержание, и униформу, и новенькие, спешно учрежденные наградные знаки, – недаром. По «Иволге» они отработали грамотно: бронева защита отсека уберегла десантников, но снаружи виднелись следы осколков, турбодвигатель, похоже, не избежал повреждений, работал с перебоями, то взывал раненым зверем, то сбрасывал обороты.

Последним «вертушку» покинул сержант. И очень вовремя. Плита – та самая, под правой лыжей – еще раз хрустнула, просела... и металлическая птица окончательно завалилась набок. Пропеллер рубанул по бетону, куски металла полетели в разные стороны...

А в следующую секунду рвануло. И рвануло неслабо.

2. Белый лед, синее небо, красная кровь

Ледоход на Печоре – зрелище внушительное и завораживающее, особенно при взгляде с изрядной высоты. Передвижной командный пункт операции «Парма» располагался как раз на километровой высоте, на борту дирижабля «Дмитрий Донской», и лично командовавший операцией генерал-полковник Кравцов не удержался, полюбовался несколько минут на бесконечную белую ленту, от горизонта до горизонта рассекающую зеленые просторы лесотундры. Впрочем, и там, в лесотундре, виднелись белые пятнышки, словно кто-то рассыпал по зеленому сукну пригоршню соли – на северных склонах моховых кочек еще лежал снег. Такой здесь июнь...

Льдины огромные и льдины маленькие сталкивались под бешеным напором прибывлой воды, ломали и крошили друг друга, вставляли торчком и рушились обратно... И вся эта белая мешанина неудержимо стремилась на север, к студеному океану, словно понимая: здесь с каждым днем все теплее и теплее, остановиться или задержаться нельзя, опоздавшие погибнут под немилосердными лучами солнца.

Генерал подумал, что еще месяц назад Печора казалась незыблемым белым монолитом, под которым где-то глубоко, невидимые и неслышимые, струились смирные до срока воды. И подумал другое: Россия тоже не так давно казалась монолитной... А теперь – точь-в-точь как ледяной панцирь Печоры – всё развалилось, раздробилось, и куски-осколки ломают и давят друг друга... нет, не друг друга – враг врага... И все вместе взятые дрейфуют по течению, куда-нибудь да вынесет... Единственная разница – льдины на Печоре белые, или по крайней мере кажутся белыми, грязь издалика и с высоты не видна. А осколки России, как и откуда на них ни взгляни, сплошь залиты кровью и дерьмом, дерьмом и кровью. И радиоактивными осадками, разумеется.

День стоял почти безветренный, и «Дмитрий Донской» (в девичестве, до выплат репараций после второй карпатской войны, носивший имя «Вильна батькивщина») медленно дрейфовал к юго-западу, не включая двигателей.

На земле разворачивалось наступление... Совсем не каноническим образом разворачивалось. По канонам военной науки наступающие должны превосходить противника в живой силе и технике как минимум в три раза. А если тот обороняется в заранее возведенной полосе укреплений, тогда вообще желательно соотношение один к семи, по крайней мере в количестве артиллерии, ракетных систем и бронетехники...

Примерно такая пропорция и соблюдалась в наземной фазе операции: на одних направлениях три к одному, а на других семикратное превосходство одной из сторон, а кое-где и поболее... Беда в том, что везде превосходящей стороной были сепаратисты. Лишь в воздухе полное господство быстро и безоговорочно завоевала российская авиация.

Вторым козырем федералов стала внезапность. Весьма относительная, конечно, внезапность. Незаметно операцию таких масштабов не подготовить, силы приходилось стягивать буквально отовсюду, выдергивая где батальон, где роту, а кое-где даже взвод из самых отдаленных гарнизонов. Агентурная сеть, развернутая в РФ, у мятежной республики имела, и удар сепаратисты ожидали. Но не знали конкретных сроков и не готовились к массированному воздушному десанту.

Все свободные (весьма относительно свободные) силы ОКР стягивались к пограничной реке Ижме: две сводные дивизии мотопехоты, бронетехника, авиация. Там же, в Сосногорске, спешно создавалась мощная речная флотилия: спускались на воду доставленные из Питера бронекатера и прочие малые боевые корабли, пригодные к транспортировке по железной дороге; буксиры и баржи местных речников срочно готовили для перевозки десанта, обшивали титанопластовой броней, устанавливали на них «молотки» и пусковые для УРСов... Грузопасса-

жирский атомоход класса «река – море», застигнутый в Усть-Ижме окончанием прошлогодней навигации, переделывали в плавучий штаб генерала Кравцова.

Работа шла большая и проводилась всерьез – и тем не менее была одной большой дезинформацией. Отвлечением внимания. Мятежники тоже готовились – оборудовали позиции на берегах Печоры, минировали и укрепляли места, удобные для десантирования с воды. И еще кое-какие сюрпризы готовили, по данным разведки: например, начиненные взрывчаткой скоростные, юркие моторные лодки и водяные скутеры, – намеревались они управлять ими дистанционно или при помощи смертников-камикадзе, разведка не выяснила. Да и незачем такая информация, все равно все силы и средства, вложенные в береговую оборону, истрачены впустую.

Но самый важный результат отвлекающей подготовки на Ижме – главари сепаратистов предполагали, что у них в запасе еще есть две недели, или по меньшей мере дней десять. Пока не пройдет ледоход по Ижме и Печоре, опасаться нечего, федеральная флотилия вторжение не начнет.

А когда начнет, времени для принятия контрмер все равно останется с избытком. От Сосногорска до Печоры относительно недалеко лишь по прямой, по железной дороге, разрушенной между этими двумя городами целенаправленно и основательно – не только пути разобраны и мосты взорваны, даже насыпи во многих местах скрыты взрывами. А водным путем получается изрядный крюк – сначала на север по Ижме, затем на юг Печорой, против течения. Четыре-пять дней плавания, если оценивать скорость флотилии по самым ее тихоходным судам.

Но флотилия пригодится позже, когда придется выбивать мятежников из городков и поселков, разбросанных вдоль Печоры и ее притоков. А удар в их сердце, в столицу, наносился с воздуха.

К воздушным налетам мятежники готовились, но предполагали их локальными, поддерживающими операцию на реке. Массированную переброску войск по воздуху не ожидал никто. Все знали, как в России обстоят дела с нефтью... Не просто плохо – практически никак не обстоят. После катаклизма нефть вновь появилась в Оренбуржье – тектонические сдвиги выдавили ее из каких-то глубинных слоев, не разведанных в свое время или не разрабатываемых из-за трудностей глубокого бурения... И что? Нефтяной инфраструктуры там не осталось, давно демонтирована: нет буровых, нет трубопроводов, чтобы ту нефть выкачать, нет заводов, чтобы переработать ее на месте. Нефть фактически стала ресурсом местного значения: кое-как, из подручных средств собрали две вышки, производительность низкая, добытое перегоняют самым примитивным, дедовским крекингом, с большими потерями...

Топливо получается низкокачественное и большей частью потребляется на месте. Кое-что вывозят в столицу – автотранспортом, потому что железная дорога и там накрылась. Никто специально не разрушал, как в Коми, – просто не дошли руки восстановить мосты, разрушенные Катаклизмом, а коли уж поезда все равно не ходят, зачем зря гнить и ржаветь рельсам и шпалам, которым в хозяйстве множество применений найдется? Растащили...

Автотранспорт – это значит, что надо сжечь часть бензина, чтобы доставить остальное в Петербург. Мало того, трасса проходит по регионам, весьма условно контролируемым федерацией. И с главами тех регионов договариваться бесполезно, власть у них осталась лишь номинальная... Власть сосредоточилась внизу, на местах, и влияние ее определяется количеством бойцов и стволов в отрядах местной самообороны. Каждый глава волостной или поселковой администрации норовит установить плату и за проезд по дороге, и за проезд по мосту, и за переправу на пароме, если моста нет, и за ввоз товара на «свою» территорию, и за вывоз товара с оной... Самые отмороженные вообще норовят напасть на нефтяную колонну и все захватить. Одних приходится учить уму-разуму (опять расход горючего и боеприпасов), с другими – кто посильнее или поговорчивее – договариваются, отстегивают проценты с неф-

тяного транзита... С учетом всех расходов из тонны оренбургских нефтепродуктов до столицы доезжает едва ли треть.

А Печора, так уж получилось, теперь нефтяное сердце России. Из законсервированных скважин Усинского нефтегазозоносного района вновь ударили черные фонтаны... Консервировали их в расчете на то, что рано или поздно появятся новые технологии, позволяющие добраться до неизвлекаемой нефти, при старых способах добычи недоступной, – а она составляла на здешнем нефтяном поле не много и не мало: пятьдесят два процента. Больше половины запасов приходилось на нефть сорбированную, на нефть неподвижную, на нефть структурированную, на нефть целиковую... На «мертвую», как одним емким словом называют ее нефтяники.

Технологии время от времени предлагались, остающееся под землей богатство не давало покоя боссам нефтяной промышленности. Боссы напрягали подчиненную им ведомственную науку, наука старалась как могла, отрабатывая нефтединары, нефтерубли и нефтеюани: самые крупные целики нефти выкачали сквозь дополнительные скважины, пробуренные с точностью чуть ли не до метра. Кое-что добыли, воздействуя на пласты новыми методами – плазменно-импульсным, например.

Но большинство технологий годились лишь для применения в определенных благоприятных условиях, ни одна не окупала себя при повсеместном использовании в промышленных масштабах. И недоступная нефть продолжала ждать своего часа.

Час пришел. Случился Катаклизм, древние Уральские горы, казалось, навеки забывшиеся летаргическим сном, ожили. Сдвинулась геологическая платформа, разрушая структуру целиков и сжимая пласты, вытесняя нефть к поверхности...

В принципе, то же самое произошло и в оренбургских степях, но здесь нефти появилось больше в разы, на порядки. И в целостности и сохранности осталась вся инфраструктура – почти неповрежденные трубопроводы, тянущиеся через Ямал и Коми от месторождений арктического шельфа, ныне разрушенных. Нефтеперерабатывающие заводы Усинска и Печоры частично пострадали от подземных толчков, но восстановить их гораздо проще, чем строить новые.

Однако сразу же нашлись желающие подмять под себя неожиданно обнаружившееся богатство. Двух недель не прошло после радостной вести из Усинска, когда непонятно откуда взявшийся Временный совет объявил в Печоре декларацию о государственном суверенитете. И пошло, и поехало, и понеслось...

Не то что отдавать – даже продавать федерации нефть сепаратисты не собирались. Трубопроводы стояли сухие, НПЗ по-прежнему лежали в руинах. Для своих нужд мятежники использовали топливо, в изобилии пролившееся из разрушенных хранилищ, впитавшееся в землю. Добывали не то что дедовским способом – прапрапрадедовским. Проще не бывает: выкопай яму-колодец в удобном месте, низком и с песчаным грунтом, – и черпай. Даже очищать не надо, песок – отличный фильтр, можно сразу в бак заливать. Они и черпали. Помаленьку, для себя. А Россия медленно подыхала без нефти.

В чьих интересах действовали (точнее сказать, бездействовали) вожди сепаратистов в нефтяной отрасли, до конца выяснить не удалось.

Возможно, мятежники поджидали китайцев – потребителей ненасытных, способных скупить все, что можно выжать из Усинска, и попросить добавки. Китайцы неторопливо, но безостановочно тянули свой «Великий путь» по землям другой самостоятельной республики, Сибирской (на счет той сомнений не возникало: марионеточное государство, созданное на деньги Поднебесной и сполна отрабатывающее вложения).

Вариант с поднебесниками – весьма вероятный, но не единственный. Потому что нездоровое оживление наблюдалось и на западе, как в странах Исламского Союза, так и в европейских Анклавах. Месяц назад прошел тендер на строительство (вернее, на переделку из уже

построенных судов) партии необычных танкеров – относительно небольших, маневренных, с корпусами повышенной прочности... Короче говоря, способных плавать в арктическом бассейне, в непростой ледовой обстановке. И заходить в крупные реки, судя по габаритам... Заказчик – никому не известная нефтяная компания мутного происхождения, однако вполне кредитоспособная, аванс победителям тендера уже выплачен. На бирже очень серьезные игроки ведут дела так, словно имеют инсайдерскую информацию о появлении на рынке новых партий нефти, тормозящих непрерывный рост цены на нее... А печорские мятежники тем временем активно переделывают баржи-сухогрузы в нефтеналивные... Любопытные совпадения.

Медлить было недопустимо... А вдвойне недопустимо затягивать войну с сепаратистами. Едва ли они всерьез рассчитывали победить Россию в противостоянии один на один. Хомяку медведя не одолеть, даже если медведь стар, слаб, потерял почти все зубы и находится при последнем издыхании. Он, медведь, даже рухнув замертво, просто-напросто раздавит хомяка.

Но завопить на весь мир, взывая о помощи, – это будьте уверены. Караул, геноцид, гуманитарная катастрофа, дети гибнут под бомбами российских варваров, ад и голодомор! Признайте нашу независимость! Обуздайте агрессоров!

Немедленно всполошатся гуманисты: и исламские, и китайские, и католические, – все, испытывающие острую нужду в нефти, а кто ее сейчас не испытывает? Надавят санкциями, заклеят резолюциями, пригрозят вторжением... Подтянут авианосцы к Печорской губе, объявят бесполетную зону над русским Севером. И хлынут потоки оружия в самозваную республику. И потоки наемников под видом «добровольцев». А против всего мира не повоюешь, тем более без нефти...

Сценарий известный, такое не раз происходило в регионах, богатых теми или иными ресурсами. Поэтому последний год Россия обращалась с Печорой бережно, как с миной на боевом взводе. Разумеется, никакого признания Временный совет и сменивший его «парламент» не получили, даже самого косвенного, даже как партнеров по переговорам о будущем «Печорской республики». Нет такой республики и нет такой проблемы, точка. Но при этом федерация не совершила ни одного враждебного шага, даже самого малого. При любом намеке на конфликт войска отводились без единого выстрела, крохотная поначалу республика расползалась по карте, как нефтяное пятно по воде. Цильма, Нарьян-Мар (порт, прямой выход к морю!), Инта... Даже над Воркутой, над городом-призраком, поднят флаг сепаратистов.

Федерация делала ставку на один удар, на одну операцию. Не медленное, с боями, продвижение вдоль разрушенной мятежниками железной дороги. И не вторжение на тихоходных речных корабliках. Мощнейший воздушный удар и тут же массированный десант. Чтобы все закончилось, едва успев начаться. Чтобы купленные с потрохами журналюги не завалили СМИ слезливыми репортажами о гибнущих от голода и бомбежек детях. Чтобы гуманисты и общечеловеки не смогли, не успели завести речь о международном признании мятежников ввиду полного отсутствия в природе объекта признания.

На эту карту генерал Кравцов поставил очень многое. Фактически весь госрезерв российской нефти, не больше и не меньше... А это не просто цистерны и емкости с горючим, это судьба и будущее России. Еще в качестве маленькой дополнительной ставки выступала голова генерала. В случае неудачи в кресле главы ОКР не усидеть, а с такого поста в сложившейся ситуации в почетную отставку не уходят. И в позорную тоже. Его можно лишиться только вместе с жизнью, таковы уж правила игры...

Проигрывать было нельзя.

Генерал Кравцов очень надеялся выиграть – Россию, нефть, свою жизнь...

3. Сметая крепости, с огнем в очах...

«Иволга» горела жарко, дымно и шумно. Пылала горючка, которую буквально по литру полгода копили для сегодняшней операции. Горело то небольшое, что способно сгореть в боевом вертолете, а негорючие пластмассы от жара превращались в густые клубы дыма. Взрывались запасные боекомплекты.

«Шеф будет в бешенстве, – подумал я. – Любые сообщения о невосстановимых потерях боевой техники приводят его именно в такое состояние духа. Но для роты «Гамма-7» все обернулось к лучшему: посадка не осталась незамеченной, и люди, только что шарахнувшие «булавкой» по накренившейся «вертушке», наверняка сейчас собирались вплотную заняться ее пассажирами... А поваливший дым – отличная завеса, никакая оптика не поможет разглядеть высадившихся десантников, и на инфракрасных прицелах будет красоваться роскошное пятно. Жаль, ненадолго, – системы пожаротушения уцелели, исправно извергают пену и вскоре сожгут пламя. Ну так ведь и мы здесь зимовать не планируем...»

Экипаж «Иволги» жалко... не выбрались, до последнего надеялись сберечь машину. Вторым пилотом и бортмехаником я не был знаком, но командир, Гасан, по праву считался асом – и своим умением проложить безопасную дорожку в небе, кишашем огнем и смертью, не раз спасал жизнь десантуре. Спас и сегодня, а сам не уберется... Пусть гурии будут ласковы к тебе в раю, воин.

– Мангуст, я Каньон! Видели взрыв, доложите обстановку.

Обстановка простая и понятная: скоро нас начнут убивать и обратный отсчет истекает. Уцелей в округе хоть одно достаточно высокое здание, оттуда по нашей крыше сейчас гвоздили бы по меньшей мере из всех видов стрелкового оружия. Но зданий не уцелело. Чуть западнее еще вчера уродовал окружающий пейзаж микрорайон серых унылых пятиэтажек – теперь, спасибо летчикам, там видны лишь груды эрзац-кирпича и прочих обломков. Пейзаж тоже не украшают, но из соображений безопасности куда более приятны для взора.

Расписывать Каньону открывающиеся с крыши красоты и виды я не стал, доложил коротко:

– Каньон, я Мангуст. Высадились. Потери – «сковородка» с экипажем. Приступаем к выполнению задачи.

– Постара... – начал было Каньон и не договорил. Точнее, он-то договорил, но я не стал дослушивать.

Все равно ничего толкового Каньон с расстояния в несколько километров нам не посоветует, и я переключился на внутренний канал, предназначенный для связи с взводными командирами. В нашем случае с единственным командиром – сержантом Багировым по прозвищу Баг. Вторым и последним взводом роты по совместительству приходилось командовать мне – нехватка кадров дикая, ДОН-3 хоть и числится дивизией, но по личному составу не дотягивает до армейской бригады мирных времен...

Баг повоевать успел изрядно и свое дело знал туго. Десантники уже не торчали столбами – залегли, рассредоточились, используя вместо укрытия невысокий бордюр, обрамлявший крышу. Хреноватое укрытие, как сказал бы Багиров, любящий по всякому поводу упоминать и хрен, и производные от названия этого растения, – пуля любого калибра прошьет навывлет тонкий металлопластик. Но чтобы попасть в спрятавшегося за ним, стрелять придется наугад.

– Пора вниз, Баг, – сказал я сержанту. – Добавь пару дымовых, пожар слабеет.

Пенгоны сработали исправно, хоть и запоздало, – «вертушка» уже не полыхала, да и дымила значительно слабее. Но две дымовые гранаты быстро поправили дело.

– Не нравится мне эта хренотень, – показал Багиров на бетонную коробку, приткнувшуюся к противоположному краю крыши и имевшую на обращенной к нам стороне металлические раздвижные двери.

Мне «хренотень» тоже не нравилась. По всему судя, ею заканчивалась шахта грузового лифта, некогда служившего для сообщения с вертолетной площадкой. Наверняка имелась там и лестница на случай поломок лифта и прочих непредвиденных обстоятельств. Но если бы я командовал обороной объекта, то первым делом позаботился бы наглухо перекрыть ведущий вниз путь. А еще лучше его аккуратно заминировать и в случае нападения пропустить вражеских разведчиков, а когда в шахту или на лестницу втянутся основные силы – взорвать все к чертовой матери.

Но искать и обезвреживать заряды времени нет... Этому моему теоретическому выводу жизнь немедленно подкинула экспериментальное подтверждение – внизу, неподалеку от фундамента здания, грохнул взрыв. Вроде и несильный, но если там рванула не минометная мина, то я ничего не понимаю в минах и взрывах. Через несколько секунд второй взрыв, на сей раз с другой стороны здания. Взяли в «вилку». А мы торчим на крыше, как бифштекс на тарелке. И сейчас нас той самой вилкой будут кушать...

– Из-за ангара лупят, – сообщил сержант, оторвавшись от отверстия водостока, которое он использовал на манер амбразуры. – Самоделка какая-то, похоже. И наводчик у них хреновый.

Третья мина упала опять с перелетом, но почти под самой стеной. Наводчик у сепаратистов и в самом деле оказался отнюдь не снайпером, но рано или поздно пристреляется – и на крыше сразу станет неуютно.

– «Гамма-семь», слушай команду! – рявкнул я по общему каналу. – Отползаем к вертушке, аккуратно, не высываясь. И ныряем в дыру по одному. Первый взвод – исполнять!

– Куда нырять-то? – не понял кто-то из бойцов.

Растолковал ему Багиров, мигом уловивший суть моей идеи:

– Плита. Продавленная. Под лыжей. Ползком к «вертушке» – и в дыру!

Идея с элементом риска, надо признать. Если на чердаке у сепов установлен хотя бы один пулемет – положат там всех, не особо напрягаясь. Но это вряд ли. С чего бы им страховаться на такой маловероятный случай? Гасан, вечная ему память, не собирался садиться на крышу и продавливать ее – по плану «Иволга» должна была зависнуть в метре от бетонных плит и высадить десант, но все планы перечеркнули осколки «Кадета», повредившие турбодвигатель...

Обстрел тем временем затих. Миномет – оружие примитивное, его недолго склепать в любой мастерской из обрезка трубы. Изготовление боеприпасов при наличии токарного станка тоже проблемы не составляет. Но отказы у таких самоделок случаются часто – то мина застрянет в дуле, то еще какая неполадка...

Я подполз к обугленному корпусу «Иволги» одновременно с парнем из первого взвода. Лицо под прозрачным бронепластиковым щитком шлема показалось незнакомым – из молодых, необстрелянных. Командовать десантниками мне приходилось от случая к случаю, на операциях вроде сегодняшней, но почти всех старых бойцов батальона «Гамма» я знал в лицо, а многих и по именам.

– Быстрее, быстрее! – подгонял сержант своих подчиненных, больше для порядка – «манулы» и без того шустро спрыгивали в черный провал лаза.

Я заметил, что от каждой команды Багирова новобранец морщился, как от сильной зубной боли. Разбираться с причинами странной мимики не было времени – миномет сепаратистов вновь заработал, и первая же мина легла на крышу. Затем еще одна, и еще, и еще...

Сержант, старый лис, не ошибся – мины и в самом деле оказались самопальные: обточенные чугунные болванки, снаряженные не то аммоналом, не то еще какой-то промышленной взрывчаткой. Боевые «летучки» – начиненные мощным ВВ и несколькими тысячами шаро-

видных и стреловидных поражающих элементов с хорошей пробивной способностью – живо проредили бы арьергард роты, не успевший убраться с крыши. Самоделки же порой вообще падали без взрыва, на манер пушечных ядер давно минувших веков, а если взрывались, то шумно, но до поры безвредно – увесистые чугунные осколки могли разнести щиток шлема или вспороть кевлайкру, но было их, осколков, слишком мало. К тому же большая часть мин падала по другую сторону «Иволги», и летящие осколки принимала на себя наша многострадальная «вертушка».

Едва я успел отметить этот обнадеживающий факт, мина взорвалась неподалеку. Сглазил... Тяжеленная зазубренная чугуныка ударила в бок – бронежилет не пробил, угодив в титановую пластину, но кевлайкра лишь отчасти сумела погасить энергию удара. Мне никто и никогда не бил кувалдой по ребрам, но подозреваю, что ощущения при этом возникают схожие...

– Все живы?

Почти все из последнего десятка, остававшегося наверху, не пострадали... Но одному из бойцов повезло меньше, чем мне, – осколок рубанул по рукаву, не защищенному пластинами, вспорол, виднелась кровь... Парень оказался из бывалых – уже тянулся за индивидуальной аптечкой. Необстрелянные от вида собственной крови часто впадают в ступор. Остальным «манулам» взрыв лишь придал ускорение, и они спрыгивали вниз куда быстрее.

– Прыгай! – поторопил я раненого. – Там перевяжешь! Пристрелялись, гады...

Он, неловко держа на отлете кровившую руку, протиснулся между горячим боком «вертушки» и бетонной плитой. Я за ним, напоследок швырнув под «Иволгу» еще одну дымовую гранату. Пусть сепы считают, что мы еще здесь, пусть расходуют впустую боезапас. А мы тем временем спустимся и удивим их до невозможности.

Пол чердака покрывал слой керамзита около трети метра толщиной – утепление, надо полагать. Легкие гранулы разлетелись в стороны после моего прыжка, затем постепенно начали заполнять образовавшуюся мини-воронку. Значит, здание построили лет семьдесят назад, не меньше. Когда загнулись последние ТЭЦ, работавшие на угле, исчезли и стройматериалы, производимые из шлаков... Вот какой я умный и способный к дедукции.

Кроме керамзита, на чердаке никого и ничего не было: ни сепов с пулеметом, ни сепов без пулемета, ни пулемета без сепов... Лишь изгибались пологими дугами железобетонные балки, поддерживающие плиты перекрытий и здорово напоминающие ребра не то мастодонта, не то кашалота. А среди этих ребер, в грудной клетке неведомого монстра, очутилась рота «Гамма-7» – шестьдесят два человека, считая меня, с оружием и снаряжением.

– Там люк! – кивнул куда-то вправо Баг, бойцы его взвода успели обследовать помещение. – Стальной, запертый, вроде не толстый... Взрываем на хрен?

– Отставить! Пойдем прямо здесь! – Я указал на слой керамзита под ногами.

Наверху по-прежнему грохотали мины, сепы продолжали старательно обрабатывать место высадки. Значит, те, что засели в здании, не ждут нас по крайней мере в ближайшие минуты. Ну так усилим фактор внезапности, эффектно обрушив вниз обломки потолка, а следом свалимся сами.

Пока бойцы отгребали керамзит, расчищая место для закладки заряда, я жестом отозвал Бага в сторонку, сдернул с головы шлем. Сейчас утечка информации исключена, и пришло время раскрыть сержанту цель нашей маленькой операции, проводящейся под прикрытием большой операции по уничтожению мятежной Печорской республики. Но все же лучше сообщать такие вещи, не пользуясь электронными средствами связи. Кто и какой аппаратурой тут прослушивает эфир, я не знал. Подозревал, что едва ли у сепов есть декодеры последних моделей, но лучше перебдеть...

Хотя сомнительно, что подслушанная боевая задача роты «Гамма-7» порадовала бы неприятеля... Одной фразой пресловутую задачу можно было сформулировать так: найди то, сам не знаю что.

Либо у шефа действительно имелись лишь обрывки информации, либо он не считал нужным информировать в полном объеме подчиненных, но я знал (а теперь узнал и Багиров) вот какие секретные сведения: в этом самом здании – которое летчики очень старались не зацепить при нанесении авиаудара и на крышу которого мы высадились – сепаратисты занимаются чем-то непонятным и засекреченным даже от граждан самозванной республики. И начальство очень желает знать – чем же именно. Посему надлежит работать аккуратно, объект без нужды не разрушать, внимательно поглядывать по сторонам и при обнаружении чего-либо непонятного или любопытного немедленно брать под контроль и вызывать подмогу.

– Хренота какая-то, капитан... – охарактеризовал Баг изложенную мною начальственную директиву. Подумал секунду-другую и внес уточнение: – Самая хреновая хренота.

Я не стал спорить... Бойцы тем временем закончили расчищать пол от керамзита – под ним оказались те же бетонные плиты, что и наверху, но здешние выглядели поновее. На плиту лег гибкий уголок из металлопластика, заполненный внутри пластитом и выгнутый сейчас в форме большого овала – два метра в длину, метр в ширину. Мы с Багом наблюдали за работой, не вмешиваясь: заряд ребята укладывали грамотно, в стороне от несущих балок, и обрушиться вниз вместе с взорванным потолком роте не грозило.

– Давайте так, капитан – ваш взвод идет первым, – предложил Багиров. – И ищет свои хреновины. А мы с ребятами прикрываем с тыла и флангов.

Я вздохнул... Давно пытался перейти с Багом на «ты», но сержант упорно отвергал все попытки. Причина известна – я для него чужак, и наплевать, что за плечами десяток совместных операций. Пока не пролью свою кровь – я не «манул», всего лишь прикомандированный офицер, пусть и наделенный правом командовать... Но такое уж мое везение: во всяких переделках побывал вместе с Багом, но обошелся без единой царапины. Вот и сегодня – ребра до сих пор ноют от удара осколком, но ни капли крови не пролилось.

– Пусть так, – согласился я. – Тыл твой. Здание большое, все не удержать... Откуда будем уходить – минируйте.

– «Лягушек» маловато...

– Ставьте растяжки. Но в спину нам никто ударить не должен.

Теперь вздохнул сержант. Соорудить из ручной гранаты импровизированную мину натяжного действия недолго, но... Но когда вступаешь в бой в отрыве от основных сил, количество носимого боезапаса зачастую определяет, кто победит. Если патроны и гранаты закончатся раньше, чем противники, десантными ножами много не навоюешь. Перестреляют из чего угодно – из дедовских берданок, из самодельных минометов...

Сержант это хорошо понимал. Я тоже. Но другого выхода не было. Слишком мало людей для полноценной зачистки.

...Заряд сработал относительно негромко – я очень надеялся, что продолжавшийся на крыше концерт не позволит сепам сразу обнаружить наше вторжение. Овальный кусок железобетона рухнул вниз, разбросанные взрывом гранулы керамзита забарабанили по щитку шлема. Тут же еще три взрыва прозвучали почти без пауз между ними – три осколочные гранаты сделали расположенное внизу помещение гарантированно безлюдным. Не успело смолкнуть отраженное от перекрытий эхо, а я уже стоял на краю провала, направив вниз луч лазерного дальномера. Семь метров...

– На леерах! – скомандовал я и показал сержанту пять оттопыренных пальцев на левой руке, потом загнул три из них.

Десантники споро цепляли карабины лееров за балки, за выступающие из бетона концы арматуры, прыгали вниз. Первая тройка, вторая... Взвизгивали мини-лебедки, укрепленные

за левым плечом, ударялись о пол шипованные подметки десантных ботинок, с негромкими щелчками отстегивались карабины, когда натяжение лееров слабело. И все. Никаких других звуков. Седьмая тройка, восьмая... Тишина давила. Тревожила... Секретный объект – и нет внутренней охраны?!

Внизу ударила очередь – скупая, на три патрона. Еще одна, еще... Грохнуло несколько раскатистых одиночных выстрелов – ничего похоже звучащего на вооружении десантников не имелось.

Ну и славно. Начинаем панихиду с танцами, кто не спрятался, тот покойник...

И я шагнул в овальное отверстие.

4. Дети льда и дети асфальта

Взмах ножа, еще один, еще... Талькуэ-иа-сейглу, Умеющий-ходить-по-Льдам, подхватил очередной снежный блок, поставил его на возводимую конструкцию, отсек лишнее... Снова взмахнул снеговым ножом – длинным, с полуметровым лезвием. Блоки из слежавшегося плотного снега были все разные, несколько отличались и размером, и формой – однако почти идеально вставали на нужное место, и подгонять их по размеру приходилось редко. Куполообразное сооружение росло очень быстро.

– Лихо работает... Я бы палатку дольше ставил, чем он строит иглу. Сколько лет тренироваться надо...

– Это у здешних узкоглазых врожденное, генетическое. Разве птицы тренируются строить гнезда? Или пчелы?

– Пчелы гнезда не строят. Только осы.

– Какая разница... Что-то и пчелы строят.

– Пчелы строят соты. Из воска.

– Ну вот... Кто их учит, кто тренирует, кто им чертежи рисует? Никто. Так и альмеуты. Безмозглые, как пчелы. А не будет вокруг льда и снега – какую-нибудь хибарку из жердей и шкур им в жизни не придумать. Так и замерзнут, быдло узкоглазое.

– Да ты расист...

– Я не расист. Я реалист. Констатирую реальные факты. Расисты – это они, узкоглазые выродки. За людей нас не считают.

– Ребра до сих пор болят? Я тебя считаю человеком, но если бы ты появился в мой дом, выжрав до того в одиночестве пинту виски, и попытался поиметь мою жену «по законам гостеприимства» – получил бы от меня не меньше, чем от альмеутов.

– Разве я это придумал? У них так заведено. К тому же у тебя нет дома. И нет жены. И кто бы от кого получил, еще вопрос.

– А у тебя больше нет виски. Так что давай сменим тему.

– Надоело пялиться на это насекомое... Сейчас заползет в свою нору и задрыхнет. Скукота...

– Вообще-то странно... С чего Тальк вдруг взялся строить иглу? Погода хорошая, ни сам, ни собаки за три часа пути устать не могли...

– Ленивая узкоглазая свинья. Нажрется сейчас спиртом, да и все дела.

Талькуэ-иа-сейглу не слышал голосов, сравнивающих его то с пчелой, то с иными представителями животного мира, – звучали они в полутора сотнях километров от заканчивающего постройку альмеута. Строил он, кстати, отнюдь не иглу, вопреки мнению далеких наблюдателей. Альмеутское иглу – капитальное жилище, в котором можно стоять в полный рост, а маленькие хижинки, служащие приютом для путешественника, назывались *инзи*. Разместиться в них можно было только лежа и только скрючившись в позе эмбриона. Впрочем, никто из альмеутов не снисходил до разъяснения хойту таких тонкостей – не-люди слишком тупы и слишком мало понимают в настоящей жизни.

Ну вот и все... Купол почти идеальной формы из сорока восьми – не больше и не меньше – снежных блоков готов. Сорок девятый блок лежит неподалеку и должен закрыть входное отверстие. В сферическом куполе осталось небольшое отверстие-отдушина – не на вершине, а снизу, с подветренной стороны. Можно было обойтись и без него, снег – материал воздухопроницаемый, а очаг в инзи обычно не разжигают, крохотное жилище обогревается теплом его обитателя. Но сегодня хижина-инзи послужит не только как укрытие от бури.

Талькуэ бросил взгляд вокруг. Нарты установлены у тороса правильно, чтобы как можно меньше времени пришлось потратить впоследствии, откапывая их из снега. Распряженные

собаки устроились в снежных ямках, подкрепляются сушеной рыбой, – этим мохнатым зверюгам не нужны искусственные убежища, чтобы переждать буран. Ветер сам нанесет над ними снеговой купол...

Погода и впрямь стояла хорошая – на взгляд хойту, ничего не понимающих в жизни. Но Талькуэ знал: не позже чем через час разразится снежная буря, короткая, но яростная. Рожденные во Льдах не ошибаются в предсказаниях погоды... А если ошибаются, то долго не живут.

Теперь надо сделать главное, без чего в новое жилище человек войти не может, даже во временное... Вернее, войти-то сможет, но вместе с ним войдет и кое-что еще. И не только в жилище – тело спящего человека, покинутое душой, лакомая добыча для злых духов, бесприютно блуждающих по ледяным просторам.

– Что за херню он там бормочет? Я и четверти не понимаю...

– Молитва. Это староальмеутский, нормальных словарей его никогда не существовало... Так, коротенькие разговорники. Они-то к нам в «балалайки» и закачаны.

– А парень еретик, похоже... Что за древняя тарабарщина? Все правильные молитвы им сочиняет наша Дениза. Знатная из нее получилась верховная шаманша... Черт, я сам готов перейти в альмеутскую веру ради ее сисек! И ведь ни одну камеру не дает установить в храме, сука... Чем они там занимаются, что выходят такие сияющие? Точно дело не обходится без групповухи...

– Ты уверен, что Дениза нас сейчас не слушает?

– Уверен.

– С чего бы?

– А она на ковре у начальства. На виртуальном, понятно.

– Ты, конечно же, этого не знаешь, но запись звука на восковые валики изобрели еще в конце девятнадцатого века. С тех пор звукозаписывающая техника весьма усовершенствовалась.

– Весь дрожу, сейчас рожу... В пультовой сегодня дежурит Зиг. А этот парень кое-что мне по жизни должен. И я могу тут с тобой обсуждать планы взрыва Острова или ограбления спиртового склада. Или судачить о промежности Денизы, все равно никто ничего не услышит, ни напрямую, ни в записи.

– Обсуждай сам с собой. Я, пожалуй, воздержусь. Мне Зиг ничего не должен... Смотри, Тальк заползает внутрь.

– Ну вот, теперь три камеры из четырех ни о чем... Переключись на ту, что у него на груди, в амулете... Да нет, на инфра... Вот, другое дело. Только на что тут смотреть? Как он помастурбировал и задрыхнет? Давай-ка лучше сходим на часок к Зигу. Он втихаря, через Анкориджский центр связи, нащупал выход в Сеть. Соединение паршивое, с перебоями, но уже скачал пару новых вирт-сексушек...

– Дениза приказала наблюдать без перерывов. Ее очень интересует, как этот парень умудряется находить чернухи столько же, что и остальные альмеуты, вместе взятые. А в иные месяцы даже больше.

– Брось, в этой конуре он сейчас не найдет ничего, кроме собственного члена...

– Ну тогда, если ты прав, он собрался сделать себе обрезание.

– Хе... и вправду ножик... строгают какую-то палку... Будем изучать альмеутскую технику резьбы по дереву или сходим все-таки к Зигу?

– Иди один. Я немного поизучаю.

– Смотри, сексушки там с защитой от перезаписи, поделиться не смогу.

– Переживу. Я не очень люблю цифровых партнерш.

– Ну да, ну да... Ты же раз в неделю ходишь к докторше, якобы на процедуры... А сколько ей лет, ты не в курсе?

– Иди уж куда шел, спермотоксикозник.

– От геронтофила слышу. Заглянет начальство – я в клозете.

Нирльх (коготь в переводе с альмеутского, короткий и бритвенно-острый ножичек, носимый в рукавице) скользил по деревяшке легко, едва касаясь, – стружка получалась длинная и тоненькая, почти прозрачная.

Когда топлива набралось достаточно, Талькуэ зажег огонь – с соблюдением всех необходимых ритуалов и после молитвы, которую далекие наблюдатели и слушатели тоже посчитали бы тарабарщиной.

Пламя было под стать горячему – легкие, словно призрачные языки огня устремились вверх, не растапливая снег под кучкой стружки. Крохотный костерок пылал секунды три или четыре, а затем Талькуэ высыпал на него изрядную пригоршню порошкообразного вещества, извлеченную из кожаного кисета, висевшего на груди, под одеждой.

Огненные языки исчезли, крохотное помещение наполнилось густым дымом, способным вызвать у непривычного человека затяжной приступ кашля. Талькуэ-иа-сейглу не закашлялся, и глаза у него не заслезились. Он буквально пил дым, как пьют ледяную, обжигающую глотку воду, – вдыхал его очень медленно, постепенно заполняя легкие.

Тело альмеута застыло неподвижно, широко распахнутые глаза смотрели вперед, но Талькуэ-иа-сейглу уже ничего не видел. В этом мире – ничего.

– Ха! А парень-то натуральным торчком оказался! Надо будет подкатить к нему, может, поделится травкой...

– Что так быстро вернулся? У Зига накрылась лазейка в Сеть?

– Какое там... Угадай, что случилось?

– Дениза предложила тебе сердце и койку?

– Еще круче! У нас тут такие дела... Встать! Смирно! Госпожа комендант, боевой расчет ОНП-2 ведет согласно вашему приказанию наблюдение за объектом «Т»! Докладывал командир расчета капрал Кински!

– Вольно, мальчики, вольно. Капрал Стоун, продолжать наблюдение. Капрал Кински – за мной!

– Слушаюсь!

– Слушаюсь!

...

– Ну вот, капрал Кински, встань здесь. Нет, вот здесь, у этой стенки. Значит, ты, Кински, собрался перейти в альмеутскую веру ради удовольствия посмотреть на мои сиськи?

– Я... госпожа комендант... я...

– Не надо оправдываться. Вполне законное желание правильно ориентированного мужчины. Ну так смотри.

– Ох...

– Нравятся? А вот так? Нравятся? Отвечай, урод, когда тебя спрашивает командир!

– Э-э-э-э...

– Не очень вразумительно, капрал Кински, но учитывая конфигурацию твоих форменных брюк чуть ниже пряжки ремня, будем считать, что нравятся. Жаль, что это зрелище не повергнет тебя в полное беспамятство... Мне действительно жаль, Кински. Лучше бы ты не ходил в пультовую...

– Не нада-а-а-а! Я нико... э-у-э-э-э...

– Дик? Забери быстренько со своими парнями двух холодных, в джи-семнадцать и рядом, в кладовой... Да, Кински и Зигберис... Нет, Слоун ничего услышать не успел. Выполняй.

...Талькуэ-иа-сейглу двигался в крошечной темноте Междумирья. Не шел и не бежал – и ноги, и все тело остались далеко, в крохотной снежной хижине. Но если оперировать привычными для Среднего мира понятиями, то Талькуэ как бы крался, внимательно контролируя

каждое движение. Вокруг хватало колодцев, невидимых в темноте провалов, ведущих прямоком в Нижний мир. Среди далеких предков Талькуэ были великие и могучие шаманы, способные спускаться туда и возвращаться обратно, побеждая живущих в Нижнем мире чудовищных демонов либо как-то договариваясь с ними...

Сам Талькуэ шаманом себя не считал, тем более великим и могучим. Он не проходил посвящения, и полноценного ученичества у него не было – Талькуэ (носившему тогда иное, детское имя) исполнилось семь зим, когда ушел дед, последний хранитель древних знаний и умений... А родители поклонялись иным богам.

Многое ли запомнит семилетний мальчишка из того, что рассказывал и показывал старик? Причем общаться им доводилось лишь в короткие месяцы летних каникул, когда воспитанники интерната в Нууке отправлялись в родные поселки и стойбища... Как оказалось, запомнить можно на удивление немало. Много зим спустя у Талькуэ, уже ставшего охотником и воином, получившего настоящее мужское имя, всплывали вдруг в памяти странные слова неведомого языка и их значения, или знания о древних ритуалах, виденных в детстве и, казалось бы, прочно позабытых...

Но шаманом Талькуэ себя не считал. И спуститься в Нижний мир не рискнул бы.

5. Панихида с танцами

Комната оказалась небольшая, но с высоким потолком. Пара шкафов, потрепанный жизнью стол, на нем компьютер ископаемого вида – здоровенный агрегат, килограмма на полтора, убить таким можно. За стеклянной перегородкой виднелся вроде как склад – куда более обширное помещение с высоченными, под потолок, стеллажами. А здесь за столом, подумал Алька, сидел кладовщик и что-то выдавал... Выдавал, выдавал, да все и выдал, – стеллажи пустовали. Рабочее место тем не менее не выглядело заброшенным – на компьютере ни пылинки, рядом с клавиатурой стояла консервная банка, наполненная бычками самокруток, свернутых из желтоватой упаковочной бумаги.

Альке представился здешний кладовщик или завскладом – древний, как и его компьютер, седой, одышливый, в очках с толстыми линзами – каждое утро по привычке приходящий на свой опустевший склад и уныло пялящийся на экран, на таблицы с нулями во всех графах. Представился так реально, что Алька щелкнул выключателем компа, почти уверенный, что на экране сейчас появится та самая таблица с нулями.

Не появилось ничего. Экран остался пустым, на системном блоке не загорелся светодиод – напряжения в сети не было.

Зато негромкий щелчок тумблера «включил» Мурата, стоявшего у распахнутой двери и прислушивавшегося к звукам перестрелки, раздававшимся где-то в глубинах здания, – подскочил, схватил Альку за рукав, тряхнул как следует, зашипел в лицо:

– Дурной, да? Руки блудливые, да? Сунь в штаны и там блуди, ишачий сын!

В казарме за такое обращение он живо схлопотал бы по своей раскосой роже. Не желторотый же новобранец, в самом деле, Алька, – полгода в учебке, да почти полгода в части оттрубил, посвящение прошел – полноправный «манул». Ну... почти полноправный, экзамен кровью только и осталось выдержать.

Но на операции руки распускать нельзя. Начальство не станет разбираться, кто прав, а кто не очень, – на первый раз вкатят месяц гауптвахты, при повторном нарушении – пинком под зад из «манулов», прямиком в матушку-пехоту.

Поэтому Алька лишь стряхнул руку татарина и посоветовал Мурату поинтересоваться у собственной матери особенностями секса с ишаками.

– Отставить! – прикрикнул на них ефрейтор Грач. – А ты, Альберт, и в самом деле не нажимай на что ни попадя.

– Любопытно же... – попробовал оправдаться Алька.

– А вот так нажмешь на какую-нить фиговину – и кишки наши во-о-он там повиснут... – Грач ткнул в потолок, откуда сиротливо свисали три запыленные лампы дневного света. – Любопытно будет?! Два наряда вне очереди!

– Есть два наряда... – понуро откликнулся Алька. Украдкой показал татарину кулак и отвернулся к стене, где красовались два сепаратистских плаката – не голографические, отпечатанные обычными красками на обычной бумаге.

На одном посреди бело-голубой заснеженной тундры торчал полосатый пограничный столб с двумя приколоченными стрелками-указателями: «Печора» и «Рашка». И закутанный в меха абориген решительно заворачивал оленю упряжку в сторону самостийного государства. Подпись гласила: «Мне туда, однако!»

Персонаж второго плаката явно относился к славянской нации – типичнейший русский, рыжеватый, голубоглазый, нос картошкой... Сидел плакатный славянин у самовара – а стол перед ним ломился от разнообразнейшей снеди – и агитировал всех сомневающих: «Живу в своей республике – ем калачи да бублики!»

Вкус бубликов Алька помнил смутно, а калачей ему не то что пробовать – даже видеть вообще не доводилось. Он с любопытством разглядывал красочную грудку выпечки, пытаясь вычислить среди нее загадочные калачи, и тут ожила «балалайка».

– ПЯТАЯ, ШЕСТАЯ ТРОЙКА – КО МНЕ! – завопил сержант Баг, завопил так, что Альке захотелось обхватить голову руками – не ровен час, взорвется, разлетится на куски.

– За мной! – Грач махнул рукой, шагая за дверь.

Пятеро бойцов следом за ефрейтором загрохотали подметками по коридору.

Лампы здесь не горели, как и во всем здании. Окон не было, но кое-какой тусклый свет долетал из распахнутых дверей. И Алька не сразу понял, обо что он споткнулся, показалось – какой-то мусор.

Нагнулся, пригляделся – под ногами лежал человек. Вернее, то, что недавно было человеком... Нелепо раскинул руки, словно пытаясь поплыть саженками по луже собственной крови, в полумраке казавшейся черной. Не «манул», чужак: ни шлема, ни броника, одет по-цивильному – куртка, пропитавшаяся кровью, штаны, заправленные в резиновые сапоги. Рядом валялось оружие, вроде бы охотничье ружье, Алька не разглядел толком, Грач поторапливал:

– Не отставай, Нарута, не отставай, сегодня на жмуrow еще вволю насмотришься!

Он прибавил шаг, стараясь не отставать. Стрельба слышалась теперь громче: короткие очереди из десантных «абаканов» перемежались с завыванием «дрелей» и громкими и раскатистыми выстрелами из чего-то непонятного. Изредка бухали гранаты.

Впереди маячила смутно различимая фигура. Свой... Сквозь поляризационный фильтр щитка – только сквозь него – хорошо можно было разглядеть опознавательную светлую полосу, опоясывающую шлем. От электронных маячков, позволяющих в бою отличать своих от чужих, в войсках отказались давно – с появлением р-вируса они слишком часто давали сбои, вынуждая стрелять по своим.

– Туда жмите, к взводному, – показал боец на коротенький, вбок отходящий коридорчик.

А сам остался здесь, на развилке, настороженно поглядывая то в одну сторону большого коридора, то в другую. Понятие «тыл» в этом бою оставалось весьма условным – сепы гораздо лучше знали все закоулки здания и в любой момент могли появиться с любой стороны.

«Манулы» двух резервных троек прошли коротеньким коридорчиком, спустились по лестнице – небольшой, на десяток ступенек. И оказались в местной курилке – о чем недвусмысленно информировала надпись «КУРИТЬ ЗДЕСЬ!». Сержант Багиров надпись игнорировал и не курил, равно как и десантник, несший на спине громоздкий ретранслятор с выдвижной антенной, связывавший «балалайки» роты в локальную сеть. Двое сепов, лежавшие здесь же, у стенки, курить не могли по уважительной причине недавней смерти. А больше в курилке никого не было...

Вторая дверь – еще не так давно застекленная, а теперь лишившаяся всех стекол – вела отсюда на другую лестницу, винтовую, с металлическими решетчатыми ступенями. Судя по всему, витая эта конструкция спускалась не то в цех, не то в громадный ангар, занимавший изрядную часть здания. Снизу был полумрак, и доносился из этого полумрака неприятный запах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.